

ЖИЗНИ И ХЛЕБА
154 страница 15

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

1918
ВЛКСМ
1968

Вячеслав СТАРШИНОВ

МАСТЕР, УГАДАВШИЙ ВРЕМЯ

О Вячеславе Старшинове говорить интересно. И не только потому, что он один из лучших нападющих современного хоккея, и не потому, что он просто хороший парень. Привлекает другое. Не так уж часто встречается человек, который сумел с блеском совместить в себе два призвания — стать выдающимся спортсменом и одновременно хорошим инженером, квалифицированным специалистом по самолостроению — одной из наиболее быстро прогрессирующих отраслей современной техники.

Да говорить о Старшинове интересно. Интересно вспомнить его голы, не раз решавшие судьбу ответственных матчей, его поразительную самоотверженность в защите... Вы ведь знаете: спорт тем и привлекает, что каждый миг соревнования можно вновь и вновь переживать заново, получая истинное наслаждение от переживания.

Но писать о Старшинове очень трудно. С одной стороны, вроде бы все о нем известно. Его любят, им восхищаются, гордятся. А с другой... Я знаю по крайней мере тройку [выражаясь хоккейным языком] журналистов, задавшихся целью «разговорить» Вячеслава, чтобы потом написать о нем очерк. Попытки эти закончились полным провалом: Старшинов уходил в глухую защиту, надаром ведь его выпускают на поле в минуты, когда противник имеет численное превосходство. Так что, уважаемый читатель, не судите меня слишком строго: я тоже теперь живу в неудачниках.

Недавно Центральный Комитет ВЛКСМ учредил почетный знак Ленинского комсомола «Спортивная доблесть», которым будут награждаться лучшие советские спортсмены за проявленную волю к победе, мужество, стойкость, высокое спортивное мастерство. Среди первых кандидатов на эту высокую награду мы, конечно же, видим и Вячеслава

Ивановича Старшинова, 1940 года рождения, члена КПСС, заслуженного мастера спорта, чемпионом IX зимних Олимпийских игр, пятикратного чемпионом мира, награжденного орденом «Знак Почета».

Старшинов-спортсмен... Вот он весь перед нами — идет на ворота неподвижно, неистовыми — кажется, нет силы, которая смогла бы его остановить. Его толкают, цопают, бьют, отбрасывают в сторону все и всяческие правила, а он ир! Это не таран разъяренного быка, сметающего на своем пути любую преграду, нет. В эти секунды все его чувства обострены до предела. Он все видит, все предугадывает. Резкий, горячий, задиристый, готовый немедленно «дать сдачи», тут он взрывается поразительным хладнокровием, не замечает толчков и ударов. Ничто не может отвлечь его от цели — ворот противника.

Роль Старшинова в действиях его тройки до, пожалуй, и команды в целом так велика, что в случаях его нейтрализации спартаковская машина буксует. Объясняя как-то причину проигрыша армейцев «Спартак», старший тренер ЦСКА А. В. Тарасов прямо сказал, что его команда не смогла нейтрализовать Старшинова.

Пытаясь выявить характерные особенности игры Старшинова, никак не могу уйти от реплики тренера: — С Вячеславом легко, он все понимает. Кругозор, интеллект, широта взгляда... А может, все проще! Он умен, очень умен.

Большой спорт не любит конкуренции. Он требует от человека полной отдачей, без запаса — для души, Матчи, сборы, разряды... Трудно спортсмену найти время, как говорится, для личной жизни и тем более для учебы. Сделать это могут лишь сильные духом, стойкие. Нестыжие же утешаются тем самыми придуванными присказкой о том, что вот, мол, были у отца три сына — двое умных, а третий... спортсмен.

Старшинов было трудно учиться. Лекции, лабораторные занятия, семинары приходилось про-

пускать довольно часто, и только целеустремленность, настойчивость, умение правильно распланировать свое время выручали.

Одноклассники в день Большого международного матча в подал на поле нашей национальной команды и, заглянув в одну из комнат, увидел Старшинова, погруженного в чтение: «Aircraft production [Самолостроение]».

Я привожу название этой книги не для того, чтобы умильаться: смотрите, мол, хоккеист, а специальные книги на английском языке читает. Просто хочу подтвердить свою мысль: Вячеславу времени не терять.

И вот еще одно подтверждение успехов Старшинова. Он сдал уже два кандидатских экзамена на кафедре производства двигателей летательных аппаратов Московского авиационно-технологического института.

Ребята видели, как ему трудно. Хотели хоть чем-то помочь. Они-то знали, что и любую работу Старшинов относится серьезно, не жалея себя. Этим и объясняется такой странной, нелогичный промах в графе «Общественные поручения». Впрочем, так ли это на самом деле!

Неразговорчивый Старшинов, старательно избегающий мест за столом президиума и прочих торжественных церемоний, является одним из страстных, горячих пропагандистов советского спорта. Он выступает перед рабочими, студентами, учеными не реже любого добросовестного лектора. А если уж к нему является делегация школьников, то любые дела откладываются в сторону. Так относится он к своей, пожалуй, единственной выборной должности — члена Всесоюзного совета ДСО профсоюзов.

А летом, когда хоккей уходит на отдых, заслуженный мастер спорта Старшинов играет в футбол. Нет, не на стадионе, хотя когда-то было и такое, не в команде мастеров, хотя и это тоже было, а просто где-нибудь на пляже с мальчишка-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок пятый
Выходит два раза в месяц

3 1971
ФЕВРАЛЬ 1968

мк. Он может возиться с юным часам, забыв о времени.

Удивительный парадокс: выдающийся хоккеист, человек, которого знают, которым восхищаются во всем мире, всю жизнь мечтал бы покинуть, и сейчас мечтает... о футбольной карьере. Если бы он смог начать жизнь сначала, знал ли бы мы Старшинов-хоккеиста!

Впрочем, это не имеет значения. Потому что он все равно стал бы Большим Настоящим Спортсменом.

Старшинов обладает силой нравственного привада. Он имеет право вести за собой других. Советский спорт поднял нам немало прекрасных спортсменов. Чемпионов мальчишеских сердец. Правовланговых многомиллионной армией наших физкультурников. И тех, кто играет за свой цвет или завод, и тех, кто с упоением сражается за «Золотую шапку». Пусть же они во всем, а не только на иглке подражают Вячеславу Старшинову.

КОММЕНТАРИИ К ХАРАКТЕРУ И СУДЬБЕ

АРИАДИИ ИВАНОВИЧ ЧЕРНЫШЕВ, старший тренер сборной СССР:

— Старшинов — глубоко порядочный человек. С равной степенью уважением относится ко всем партнерам. А они у него в сборной менялись часто. Не капризничает, если у партнеров что-то не клеится, но кичится знаниями, своим заслугам, своей силой — ведь у него огромное имя. Настоящий спортсмен, он не нуждается в том, чтобы тренеры как-то специально готовили его на предстоящий матч. Великий труженник. Если его не пригласили на тренировку, даже отдых — придет сам... Слава донимает своей игрой, что даже у самого большого спортсмена нет предела для роста мастерства. Правда, нельзя говорить о каком-то критическом,

что ли, возрасте Старшинова — в этом году ему исполнилось только двадцать восемь. Уверен, что Слава не потеряет вкуса и кокетки и будет еще играть лет, может быть, восемь — десять...

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ МЕТЕЛИКИМ, заместитель министра высшего и среднего специального образования РСФСР, заведующий кафедрой производства двигателей летательных аппаратов МАТИ:

— Вряд ли ошибусь, предположив, что Вячеслав Старшинов будет хорошим научным работником. Это, несомненно, одаренный человек, склонный к серьезной аналитической работе. Я верю, кроме того, в целеустремленность Старшинова, его настойчивость. И в скромность. Самые большие успехи в спорте не сбывают Вячеслава с тоику, не приводят к зазнайству.

Хочу вспомнить один характерный эпизод. Я читал лекцию и в перерыве после первого часа вышел из аудитории. Смотрю, около дверей стоит Вячеслав. Спрашиваю, в чем дело. Оказывается, он приехал со сборов из-за города, везущая и всю лекцию слушал, стоя у двери. Зайти ему показалось неудобным: вдруг что-нибудь поумлет, что он решил, будто ему позволено больше, чем другим...

Конечно, увлечение хоккеем не могло не сказаться на занятиях. Старшинову и сейчас трудно вести систематическую научно-исследовательскую работу, но, как это ни парадоксально, хоккей способствует и формированию Вячеслава как будущего научного работника. Часто бывала в отделе, на тренировочных сборах, Старшинов вынужден был проявлять еще в процессе обучения большую самостоятельность, и естественно, что у него постепенно выработались навыки и склонности к творческой работе.

Все это дает мне основания надеяться, что Старшинов добьется успеха не только на хоккейной площадке.

АВТОРУ ПОМОГАЕТ ГЕРОЙ

АВТОР. Хотелось бы начать жить заново, вернуться, скажем, в 1958 год!

ГЕРОЙ. Трудно сказать... Вряд ли. Хотя... Пожалуй, хотел бы. Учился бы немного иначе. Нет, не в смысле оценок, тут все в порядке. Больше бы успел прочитать, узнать, сделать, проверить... И еще. Все-таки я до сих пор жалею, что спортивная моя судьба сложилась не так, как мне хотелось. Я говорю о футболе...

АВТОР. Один общий, отвлеченный вопрос: может ли наступить в жизни человека такой день, такой миг, когда он скажет, что теперь уже совершенно счастлива!

ГЕРОЙ. Это было бы печально. Что такое счастье! Исполнение всех желаний! Осуществление мечты! Но если человек ни о чем не мечтает, если он всем удовлетворен, ни к чему не стремится, то он становится жонглером. Может быть, счастье в другом — в постоянном ощущении полноты жизни! Такое чувство можно испытывать почти постоянно. Не только в один день или в один миг...

АВТОР. Радио и телевидение, статьи, очерки, интервью делают спортсменов людьми всемирно известными. Не возникает ли при этом такое чувство, что ты смотрюшь иногда на себя как бы со стороны! На происходящий ли раздвоение личности! Не мешает ли пристальное внимание людей!

ГЕРОЙ. Естественно, что вовсе не всегда хочется быть на виду, не всегда есть настроение вести разговоры о хоккее, тем более что вопросы, как правило, один и те же: сможет ли «Спартак» обыграть в следующий раз ЦСКА или, напротив, ЦСКА обыграет нас, попадет ли Знамя в сборную, станем ли мы чемпионом мира! Раздвоение личности! Чувство ответственности за того Старшинова, который существует в представлении любителей хоккея.

Олег СПАСНИК

В А Д Е Т

Д Е Д

«Мальчик, ените мне шапку!»

Хорошо жить в хорошем городе. Это как плахоту в плахоти!

Это не бог весть какое большое открытие, но каждый знает, как важно сделать даже маленькое открытие самому: все их делаем.

Представьте себе: идет человек по летней улице, останавливается кивая вправо. На обшарпанной дощечке рукою нового хулигана с обидками выпарышан неприятные слова, продавец небрит и сидит в калошах, вадет на капроновые носки. Причмыслась он под стеной дома, где плакатными буквами написано: «На стены не лезть».

Схватит человек, как говорится, взглядом эту живописную картинку и вдруг сделает для себя мысленно, но весьма горькое открытие: — В какой же дыре я живу!

Зарисовка, между прочим, с натуры. Открытия такого рода бесцельно не проходят. Известно, что плано вывирания по штурму окраска оборудования или стел цета настоячо вылетает на рабочем, что производительность его труда снижается. Какие же разнообразные потери для общества вызывает мироустройство личности, которая сделала петь, десерт, двадцать плодотворных открытий, невезших по всемирному масштабу, но столь значительных для нее самой.

Один мой знакомый учитель из Каукут жаловался: «Внушка у меня из Норильска переехала — по замужеству. Привыкла тем к фантазическим всяким, современным, и тут все началось вырывать! А ведь живет в хорошем доме — обломом, прада, питетнажон, но новым. Слово, нормальное, стандартное доме. Мы с женой в войну в землянках жили, дочь за счастье комнату в коммуналке квартире считала, а внушке, видите ли, уже стараямня ситуация не подходит: стандарт! Кого?»

Действительно, как тут рассудить: хорошо это — иметь такие завышенные потребности или же это сатое бесцельность к пропахому, и только!

Спорная дав комсомольских работников по стохолому повому.

Один кричал: «Зеленые, братцы, зеленая!» Другой возражал, что если бы человек в потребностях своих руководился лишь насущным хлебом-солью, то и Москва, возможно, выглядела бы довольно почти как сотни лет назад: «Уток, гусей, лебедей москвичи стреляли с крылец». А сейчас их в целафоне покупают, опциваются. Короче говоря: утопичность, доводство — для человека не рычат, а торжуют.

— Ты не с того боку смотришь, — возражал первый. — Ха, гусь в целафоне! Да стел журчальным выливает о воде-выброд без мекст, что, мол, там сегодня медведи или тигры бродят, а завтра заложат назад новой стройки, — и десятки людей молодых бросают комфорт городов и едут!

— Да, едут! — подхватывала другой спор-

щик. — Но стего! Оттого, что стандарт жизни иной раз страшнее тигра!

Возможно, этот разговор и еще привлекает спорщиков, из читателям. Мне он представляется весьма интересным, сегодняшним. Я твердо уверена в том, что образ жизни человека по многом навязывает обстановку, в которой он живет, что город, бесчисленные детали городского бытия формируют характер, привычки, взгляды, повседневное настроение.

Красота хочется человеку. Мне кажется, что непреодолимая жажда эта накапливается в людях как-то особенно — после долгих войн, разрушений, насилиев, эстетского безобразия и уродства — и передается от поколения к поколению, уточняется, усложняется, становится все требовательней.

Эта жажда — не новость. Запечатана она от вэку поколением поколению, и завешание писано пером, кистью, вырублено топором. И это вот хочется подчеркнуть, что и топором томка, что не прихоть «некоторых», а народную необходимость в торжестве красоты отражают древние постройки Владимира и Суздаля, деревянные скульптуры Волотды и Ярославля, готика Таллина, канканка Гruzии.

У Бориса Шергина в удивительной книге «Запечатлания Слава», написанной по славу Севера, собраны правдивые померские виды и рассказы. И вот как говорится в одном из них, старый корабельный мастер замечает молодому: «Наш брат думает топором... Ты ведь художник. Твоего дела леснику возьмешь, она как перо лебединое. Подглядывай — рука как по барышту катится».

Вот ценя истинному мастерству: «Ты — художник!» Разве для нас могут оказаться забвением, потерянными такие ценности, собою, когда тоже «докладов до дела мастеров молодых — корабельного, строительного, обувного, токарного, кузнарного дела?»

Но чтобы «волею плыва и осознала красоту как необходимость жизни и ценности, он должен быть с детства окружен красотой, обучен ею.

Если в запованную чабуну с плашювыми занавесками ходит парень в бубричине, разногрой рукой мол, кричит ему: «Шапку сними, когда са культуре научишься» — это выглядит комически и вместе грустно.

Как учить? Каждая улица, каждый дом, вывеска, лозунг, каждый кусок холста, на который нанесено изображение, цифра, текст — все это учить, действовать, алкать, создает привычную обстановку.

И тогда, допустим, у основания хорошего памятника С. М. Кирову устроена скамья, причем ее кузначий труба «отступается» именно в место обхождения (это можно видеть в Баку), когда по скверам многих городов сияют «серьбри» и «золотом» бетонные скульптуры, еффе, а в кафе и ресторанах используются призывы: «Уважайте труа уборщиц и др.», когда на прекрасной улице, где сохранилась старинная церковь и каменной кладки особнячки, занятые ныне музеем, вешает папирус неведомого самородка, изображающее работу пе-

реводчк свинокер, когда кафе-номерное украшают вывеской «Суворов», тогда нечего жадать, что «мальчик снимет шапку». Особенно если он не ходит на публичные лекции по эстетике. А у нас попадаются еще такие мальчишки.

Сократ говорил, что творения живописи «тем как живые, а спрости их — она исключительно млато».

Тем не менее хотелось бы как-то нарушить загадочное молчание некоторых «шедевров» городской обходной эстетики, которая так до рого нам обходится — в материальном и эстетическом отношении.

Несколько странных вопросов

Одному молодому токарю многие не нравятся в родном городе. Видите ли, зачем (это не спросил!) на завод у прохлойной соудула илепло громадулю, «обтитулю» — из кирича доску почета типа «страффитю», она-де только хорошей первой заводска. Возмущался «мунументальность» издательской атачати: несократу дескток стальных изделий упло на пакеты, текст которых — сухой плод чьего-то канцелярского рвения. И арифитю-то ему были не по нраву — серые, без фантагии, и название магазин, мягко говоря, непродуманные. (Зачем, например, магазин алкогольных напитков назвала «Комсомолец!») Высказывала он все это в комитете комсомола при заводу, а там ему говорят: «Не прависта? А ты борись давай. Перемалывай тысячи. Нечего жадать говяжьего...». Сделай лущел!»

И поставили нашего молодого критика в тупик: действительно, почему какой-нибудь Леонардо да Винчи еще в XVI веке мог изобрести резбонрезной стволос с автоматическим движением сундурю, а в свободное время написать «Тайную вечерю» и «Мадонну Литту» и много чего-еще, а наш современный токарь Иванов, которому уже готовый станок дали и который вечерний институт культуры посещает, тот только недостатку выписывает, а сделать ничего не может?

Если отобротить в сторону то соображение, что Леонардо да Винчи проходил по классификации «стелю», то правдест еще учесть, что доплте столетия с времени Леонардо в развитии индустрии произошли такие изменения, что уже дедушка Крылов предсказывал: если птицы будут делать самолеты, а самолты чать пирожки, то «адело не пойдеть на лаа». Специализация зелаа человечество. Почему токарь Иванов должен преобрать город, внешность которого ему (справедливо) несправдательна? Токарь Иванов должен хорошо токарить — это его обязанность: его тому учили, с него за то и спрос. Но его ли дело — перекаршивать кафе, делать «схемы айфи», создавать эстетические общественных зданий, заниматься «косметикой» города? Я думаю, что это не его дело. — Вот, — скажут мне, — странный вопрос! Узнайте фамилию художника города — и все дела.

ПОЭТ ПАРТИЗАНСКОГО ПРИМОРЬЯ

Я хочу рассказать о поэте Рослом.

Нынче это неизвестно широкому читателю. Может быть, только на его родине, на Сучане, помнят о его подвиге, может быть, только старые партизаны Приморья еще не забыли его песни.

Поэт-партизан Коста Рослый... Он родился в 1894 году в селе Перетинко, Сучанского уезда, Владноростской губернии, в бедной крестьянской семье. В тринадцать лет Коста ушел из родного села во Владноростск — он хотел учиться. Но его вернули обратно. Только через год с помощью сельского врака ему удалось поступить в четырехклассное начальное училище.

После окончания училища «на казенный иочу» Коста поступил в гимназию. Здесь, по тесному соприкосновению с семьей Сембировых — учительницей Марией Николаевной и ее сыновьями Всеволодом и Игорем. Дома у Марии Николаевны собрался литературный кружок, охвативший настоящей поэтической школой для будущего поэта. Издавался дружинский журнал, где были напечатаны первые стихи Рослова.

Но вскоре Коста Рослый был исключен из гимназии. Причиной этому послужила независимость его суждений, немалая примесь со школьными методами преподавания, неадекватные стилизации с директорами.

В жизни Коста Рослого произошло много изменений. Он стал сам зарабатывать на хлеб. К этому времени относится и его дружба с семьей Матвеевых, где он попал в окружение профессиональных литераторов. Здесь он знакомится не только с литературой, но и с революционным движением на Дальнем Востоке.

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции Коста возвращается в родное село и работает учителем в школе. Он проводит беседы с крестьянами, выступает на митингах со своими стихами:

Мы не уступим, мы не устанем,
Мы дружно станем, как грозный вал,
И на вражеских наступаем отрядах,
Мы всех поднимем, кто духом вал.

Это были поэты пророческие строичи. Потому что скоро Коста Рослов действительно пришлось принимать участие в борьбе с японцами. Началась великая партизанская война на Дальнем Востоке. Стихи эти стали эпиграфом газеты «Партизанские вести», «Партизан И. И. Иванов», а также известия с Костей Рослым, вспоминает:

Особую роль сыграла поэзия Коста Рослого в партизанском движении. Он был храбрым в бою, даровитым организатором масс. Благодаря его началу начался партизанский отряд «Комитет организации сопротивления» Коста создал в своем селе осенью 1918 года боевую группу, во главе которой и пришел потом в ряды партизанских отрядов. Но славы не искал. Он командовал бойем прежде всего парти-партизанами... В наших движениях он играл роль

Партизанские песни, частушки, стихи — оружие, которым боролся с врагом молодой коммунист Коста Рослый. Он участвовал в боях у бухты Чаньской и под селом Перетинко. И трудно сказать, какая память запомнил он товарищам: разгореченный свистящий или адронкаленным на поединке — Он записывал их в бой.

5 мая 1919 года в «Партизанские вести» были напечатаны следующие строки стихотворения «На службе партизанам». Оно было посвящено трагическому погибшему командиру партизан, интернационалсту-революционеру, легендарному в Приморье Змилю Либиху:

Сражен ты ударом «судьбы роковой»,
Герой и борец ты сабороду,
Всю молодость жизни цвиртцелой своей
Ты отдал с любовью народоу...

На похоронах Либиха редактор «Партизанские вести» Владимир Иванов Нук-Мансарова прочла эти стихи вместо прощальной речи.

А вот стихи, записанные в альбом Матвеевых 21 марта 1920 года, после того как во Владноростск вошли партизанские полки:

Где вы, сильные,
Где вы, гордые,
Где вы, смелые,
Непокоряемые,
С максимовской пулей,
С верой пламенной,
С теплым сердцем,
Независимой?
Все, что было в жизни,
Ромь-страдания,
Изгнурялая неурядица...

На второй конференции РКМС партизан Коста Рослый был избран ответственным секретарем районного комитета. Вскоре коммунистическая организация перешла на нелегальное положение. Это случилось после японско-китайского перемирия в мае 1921 года. Коста Рослый участвовал в партизанском движении. После окончательной победы партизан Коста работает на родине как депутат и член президиума Сучанского района исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1 августа 1924 года Константин Рослый был избран членом великой рабочей-крестьянской милиции и введен в тройку по борьбе с контрреволюцией. В годы гражданской войны Коста Рослый был назначен инструктором «Дальрыбфлота». Он потягивал смерть уже в мирные годы вырвала его из жизни, преврала возможность развиться таланту поэта — писателя его жанру, дальневосточной журналистике.

К сожалению, сохранилось очень немного из литературного наследия Коста Рослого. Несколькими стихотворениями его было опубликовано в дальневосточных журналах «Сибирский вестник» и «Партизанский океан». Все-что удалось собрать его друзья. Мы просим откликнуться всех, кто знает Коста Рослого, чтобы его наследия молодого поэта-бойца, стало близким нашему современнику.

Е. РЕВНТ

СТИХИ И ПЕСНИ ПАРТИЗАНСКОГО ПРИМОРЬЯ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Вероятно, у каждого человека есть на земле тайное и любимое пространство, которое он редко навещает, но которое всегда часто снится по сне. Человек живет дома, на родине, там, где ему следует жить; занимается своим делом, устает и ночью, перед тем как заснуть, улыбается в темноте и думает: «Сейчас это невозможно, но когда-нибудь я снова поеду туда».

Так думаю я о Грузии, и по ночам мне снится грузинская река. События чуждой и малой земли так греваклет, так бранит немые губы... Но как пришить в славянских сортиках бирное несомненно, сославшись звуков, как уместить воблоту ласканий? Разве что во сне сумеем преодолеть космополитизм и издать это глубокий клекот, который все нарастает в горах, пока не станет немеек.

Мне кажется, никто не живет в такой близости пеня, как архивы. Между весельем и пенем, печалью и пенем, любовью и пенем всево нет промежутика. Если грузин не поет сей-

Переводы

Беллы АХМАДУЛИНОЙ

Михаил КВЛИВДЗЕ

Домик онопо море. О, ты — только ты, только я в этом доме. И воблоту ласканий так греваклет, ты примосишь и дервишка в ладонь. И один только вид из окна — море, море вокруг без предела. Славян. И в его глубина подступала и в огни глалена.

Мы бежали к мему по утрам, и оно нас в себя принимало. И тепло по плечам, по рукам и легко холодком пронмало. Нас вода окуривала, вода, литься ей и вовек не пронмится. И тогда знам мы и тогда, что надово все это проидеть. Все смешается: море, и ты, все, все начало твою, тайна, и прелест и неведомой формы цветы, и травы удаждоной прелест. В каждом слове твоем соловым пнем, крмыльями трепетая. Были губы твои соломой, твоим волосам низко сваданым... Снова море. И снова была крохля пеня. И это известно. Ты была! В самом деле была или нет? Это мне неизвестно.

МАСШТАБЫ ЖИЗНИ

Как комната была велика!
Она была, как земля, широка
и глубока, как река,
Я тогда не знал потопля
выше ее потока.

И все-таки быстро жизнь потекла,
пошарыла мелея, потопила,
Я смеялся, кулуся, греб...
О детских печаль и радостей смеек:
каждое здание — как небоскреф,
каждая обора — как смерт!
Я играю, и любимой игрой
был мир — огромный, завирный:
мир меж Мтавамидою и Курой,
мир меж Курой и Мтавамидою...
Я помню, у дедушки на плечах
загар лежал белый и ровный,
взгляд его, выражающий печаль,
звал меня играть и робить.
И помню следы у реки:
Как были годы длинные тогда,
как они сейчас коротки!

НА СМЕРТЬ Э. ХЕМИНГУЭЯ

Озелен неперепонный!
Человек, ученого ты был точней.
Весь мир оплал драгоценность
последней точности твоей.

Тамаз ЧИЛАДЗЕ

Галактион ТАБИДЗЕ

Симон ЧИКОВАНИ

ПЕТЕРГОФ

Опыт благополучный Петергоф
дождям своим поведает литься
и бронзовых героев и богов
младенческие утмывает лица.

Я здесь затем, чтоб не остаться там,
в позоре той, в его тоске и в няге.
Но здесь ли а! И сам я как фонтан —
нет места мне ни на землю, ни в небе.

Ужель навея я пред тобой в догму —
опять поблужать и опять родиться,
чтоб описать смертельную дугу и
в золотую дребезги разбить а!

О Петергоф, свежи твои сады!
Еще расскаж, еще под сводами
ликуя и не ведая беды,
на грудь Адамову лицо склоняет Ева.

Здесь ищи чудес: из тьмы, из
соновьев, из вымысла Петрова
тоже гляди проглянет Савоэф,
покажет лик и растворится снова.

Нет лишь тебя. И все же есть лишь
ты.

Во всем твою порядок и туманы,
и парк являет лишь твои черты,
и лишь к тебе обращены фонтаны.

Шел дождь — это чья-то простая душа
похлещ, о платане, чернеющей сучью.
Я знаю о дожде. Но чрезмерности дождя
была впечатлительнее не тела, а слуха.

Но помню тепло про сырость одежи,
но слух оценила этот влаги избыток.
Как громо! Как знойка! Как долго!
О где же свисенье от капель, о землю разбитая!

Я видел: процессии горестный горб
включили, и струи небесные льются,
и в сумерках широких сверкающей
греб взошел, как огромная черная ласточка.

Быть может, затем малый шорох земной
казался мне грубым и острым
предметом.

ТЕБЕ ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ

Тебе тринадцать лет. О старость этих
двух рук моих! О добрый мир земной,
где детство есть все, арифметик
тринадцать раз смеются над мной!
Я плутаю в тринадцать решеньях —
как весело! Как голова седе!
Тринадцать путей отныне, оружейник,
и столько же раз я погубил себя.
О девочка, ребенок с детским местом,
приставшая над голубым мячом,
как смело ты выдерживаешь вечно жестоким
и мудрым от рожденья плеском.
Я возмужал — о точность построения —
принудой несчастливого числа
в тринадцатую стеньгу пострахенья.
О как, шутник, твоя слеза чиста!

ШЕЛ ДОЖДЬ...

Отар ЧИЛАДЗЕ

что тот, кто терпел его вместе со мной,
теперь не умел уже способствовать
в этом.

Но знаю, кто был он, кого он любил,
но как же в награду за сюсюство,
за странность, за нежность,
что жил он, со мной дышавший делии,
не умер я — с ним разделив
бездальность!

И я не покаян был, а покаян
той малостью, что мимолетна на свете.
Есть в плече над горной чурчк в которой
сева о родности собственной смерти.

Бессмертья желала душа и агала,
зигроспеленная дожди раслипания,
и шипи, созревшие в кононопа,
расканичались и срывались с платана.

час, то только потому, что собирается
лечь через минуту.

Однажды осенью в Кахети мы
сблизил с дорожи и спросили у старо-
го крестьянина, куда идти. Он пока-
зал на свой дом и строго сказал:
«Сюда». Мы вошли во двор, где
уже сушилась чурчкела, а на ветках
авыл куро оскриывали во сне.
Сбор винограда только начинался,
но каверы — острокожные зарпеты
в землю кувшим — уже были полны
юного, еще не перебродившего вина,
которое пелется легко, и змеяет тя-
желю. Мы едва успели его отведать,
а уже все пели за столом во много
солосов, и каждый солол знал свое
место, держался нужной высоты. В
этой пелни не было беспорядка, стра-
да, неведомая мне дисциплина
управляла его многоголосием.

Мне показало, что драгоценная
тайна хомаса наконец открылась мне,
и я понял прекрасный смысл этой
пелни: в ней была доброта, много
любви, немного печали, нежная бла-
годарность змеади, воспоминание и
надежда, а также все остальное, что
может быть нужно человеку в такую
счастливиую и лунную ночь.

Некогда Амриран, рассерди-
вшись, решил избить
тую чину, но осознал ее, и
медля соединиться с мужем и
эпоном улетел в небо.

Из народного сказания

..И мне помню этот самолет
и слыно молчать: нет, я не был
смельца.
Я не владел своим лицом и телом.
Бегая я догору, но устал и лег.

Нет, не имел я твердости колен,
чтоб снова встать. Пустой —
одной, —

я все жемал, понуду взрыв высокой
землей череп и пламенем авел.
Во мне свистелись злоба и жар.
Самлет пропеллер смерти

И стала я грубой, маленькою чайной,
исполненной жизни и добра.

Как он желал свести меня на нет,
разбить меня, как глиняную
своим смертельным острием
цельность
в непрочный и таинственный предмет.

И вспомнил я: в былые времена,
глупец, мудрец, я счастья был так
часть.

А вот теперь я лишь пустик, лишь
чава.

И хрупость чаши стала мне смешна.
Что оставало делать мне! Вот-вот
я злотыми дерзкогами гряну,
предаясь я всеблагому туману,
на искру увеличаю небосвод.

Пуст так и будет. Могью как-нибудь
мелькну звездой возле созвездия

Дель.
Печальнее меня проведут дня
в мой Илечный и уже последний путь.

Разрозненность сиротская моя
воспринят вдруг, в зарю соединяясь.
И, может быть, я все ж вернусь, как
вмест

на млный зов родимого жилья.
Земля моя, всегда меня хранит
твоя любовь. И вставая отступая;
кто вырчит меня из аглы отнесной
и отсыты души соединит!

ВЕСЕЛЫЕ СЕРДЦА СЮЖЕТЫ

Георгий СЕМЕНОВ РАССКАЗ

шестом часу вечера стало темно. Уселись ветер, и порой казалось, что кто-то, озабоченный и бездомный, прятаясь за голыми кустами сирени, бросил в освещенное окно тяжелый, мокрый десок, забравшись на крышу, ходил по жестяному ее краю, проглатывая, сплывая на землю, чавкая и греми, стучал в ворота, а потом утихал и, покусываясь, смотрел в окно.

Стены дома поочередно от дождя и старости. Под крышей светлели единственные окошки.

В комнате стояла высокая, резной буфет, уже обумавшийся от времени. Широкая кровать со стертыми шкурами. А напротив кровати топились кафельная печь.

У растрованной топкой сидели двое и смотрели в огонь. К стене привалился разобранный раскладной, за спиной у него торбилались мокрые штормовки, торчали ружья потными стволами вверх.

Дрова в печи хорошо и гулко горели, топка пылила жаром, и от влажной одежды шла беловатая пачуха пар. Лица были тоже горячие, опухшие от этого жара, досыпавшись и злунные.

В доме носилась ховлатица, дурманя старуха с подслеповатыми и вялыми глазами. Ее звали бабушкой — сыновья, внуки и правнуки, и ни кто не мог представить бабушку молодой. Она и сама не верила, что была когда-то полною сил, была молода и красива, а она наверняка была красивой, потому что все сыновья ее, внуки и правнуки выданы были рослыми и красивыми людьми. Они гостили у нее с весны до осени, а потом закатывали и утешали двери всею комсом, оставляя старуху одну лишь эту темную, маленькую комнатушку, а сами покидали большой дом и бабушку в доме до следующего весны...

Осень ранней весной, в начале марта, а то и в феврале, начинали изредка приходить родственники. Приходили кибитки, салдоново число, копченую колбасу, которую бабушка любила, хотя и с тоскою справлялась с ней, и мороженую голубицу... Редко, но все же и осенью приезжали из Москвы родственники, и чаще всех Рэм Семенов на своей сани, заплеченной, забитой гремя «болата», а с ним его друг Морозов, который тоже, как Рэм, называл старуху бабушкой, словно она ему, как и Рэму, принадлежала родной.

Бабушка жила в Переславле на улице перед древним городским валом, у нее была жареная земля за галтин заробом, был маленький огород, тридцать лука, три яблоньки, и Рэм, счастливый человек, мог подойти к яблоньке, сорвать антоновку и, хладую, надкусить с треском.

А вообще Рэм был талантливым инженером, имел засекреченные, номерные патенты на изобретения, собственной автомобиль, который знал лучше самого себя, и умевшаяся олову.

Это был современный челябинский посетитель и серебряные запонки с огромными, голубоватыми хрустальными, и прокованному у костра, струю тогастерки. И ни то, ни другое не делало его лучше или хуже. Он всегда отогревался Рэмом Семеновым — красивым мужчиной, когда-то всерьез записавшимся легкой атлетикой, а Рэм, счастливый человек, ни не сохраняя фигуру двадцатилетнего парня, раскисал и истончался с годами, но зато еще непотугившему телу по болотистым, ивиным берегам Плещеева озера — Морозов был и силен, как олень.

Впрочем, и Морозов не уступал ему ни в чем.

Когда-то они добравшись до этого стародавнего на попутных машинах. И хорошо, если грузиков был порожником, если кузов был не очень грязен, если грело солнце и шофер приоткрывал на выбоинах колесо закатанного, тогда разбитого Ярославского шоссе, помня о живом грузе у себя за спиной.

Это было сложное время! Им было всего по семнадцать, и поездка из Москвы до Затерска, а потом по пустынным сивному шоссе на попутке, упругий ветер, ливные спуски и подъемы — туганы, выцветшие деревушки и гаутоманы, седые сараи, горбатые желтые дома — все это было праздником, надеждой на праздник или свершением всех надежд, потому что уехав из Москвы за сто сорок километров, имея впереди три-четыре свободных дня, можно было, конечно, надеяться на праздник, можно было... Мам, а мам! Но им же хотелось вернуться к своим и зашальных, бесконечных лесах, в которые они попадали уходя в поисках удачи и ждал там с надеждой на праздник, не встречая в пути ни людей, ни деревьев.

Им в собой брати по бумажке черного хлеба, несколько кусочков сахара и чаша, а в ливные дни — по куску свиного сала.

Они тогда не умели шить водку и легко обходился без этого зелья, никогда не дубили от нем, словно водки вообще не существовало на свете.

Это было сложное время! Им было еще в том возрасте, когда прощом не казалась им нависшая потерянность, когда казалось, что стоит лишь заколоть и, все будет так, как было когда-то. Стоит лишь заколоть!

Проможили, они молча сидели у печи и долго смотрели в огонь. Бабушка ушла на кухню и готовила еду. Семенов и Морозов еще не отпились от дурманящей бездомной жизни, еще не отмылись и не отдохнули. Они еще были там.

— Послушайте идиоты... — со злостью проговорил Рэм, — и сам в дурачки!

И ты и сам мог вспомнить! — сказала Морозов. — Ты ведь забыл, что в воскресенье магазины закрываются раньше.

— Не я ли тебе предлагал? — спросил Рэм. — А кто была протия? Молчала бы...

Он неважно кочержничал, отворачиваясь от бабушки, а старуха, ступая по выжиданию, раскисавшим и пылающим польем в печи.

Через колесики проминались в злую жару калая угали. Рэм поднял с железки березовое полено и засунул его в топку.

— Ну, а что предлагаю! — проговорил Морозов. — Во-первых, ты это делал не совсем уверенно. А потом, мы рассчитывали сегодня уехать...

— Ну, это не рассчитывай... — ответил Рэм. — Хотелось, садясь за руль и пилить всю ночь. Но такую туману к утру, может быть, и можно, и вообще не придется... Я, во всяком случае, не хочу рисковать.

— Но тогда еще не было тумана... А сейчас тоже ветер. Разгонит. Как это не было! Такого тумана и этого дождя. Тут уж дураку ясно.

— Ну, значит, и дураку со туманом справиться Морозов. Рэм посмотрел красивыми своими, восхитенными, блестящими глазами на друга и, заикаясь, сказал:

— Пора бы уж поумнеть! Пашь-то у тебя отчего? — Он дурно... — сплюсннво сказал Морозов и поглядывал горячий натуный брезент на своих колесках. — А ну-то у тебя? — спросил он, в свою очередь. — От ума?

Рэм промолчал, а Морозов опять спросил:

— Ну чего ж ты молчишь, кудрявый? Оба они знали, что вот сейчас бабушка выйдет в комнату с эмальнованным тазиком, в котором горюч будет краснеть и изменять салат из помидоров и огурцов, свежих и малосольных, заливный подсоленным маслом и сбрызнутый растительным маслом.

— Да... — сказала опять Морозов. — И такая закусь... Вот что обидно! Я, конечно, дураки! Я, конечно, странно виноват.

— И главное... — сказала Рэм, — ни души в магазине. Никакой очереди! Помидоры и огурцы... у тебя, идиоты, поспулились! Сейчас не только приедет, но и вылезет. Мокрое небо вылезет. Проступится в тучах поточку... А-а, да что говорит! Я бы тебе сказала вообще-то!

— Что? — Да ничего... — сказала бабушка, и принесла в сером тазике свой осенний салат, и поставила на стол.

— Рэм... — сказала она... — садитесь. Закусите вот. А потом и спун... — А что закусь-то? — сказала Рэм и со вздохом поднялся.

В ореховых ветках с отгнившими кончиками он словно бы шел к столу на покусничную, проделывая свиновую тяжесть усталого тела. Равнодушно усеялся за стол напротив буфета и стал смотреть на зеленые помидоры, которые лежали на подоконнике, наливные мутной и односторонней розовостью. Помидоры были маленькими и как будто нитками переплетены. Глядя на них, не верилось, что они когда-нибудь вылезут со стола.

— Тебеosome приглашение? — спросил Рэм, пробую язык салат. Морозов поднялся и тоже в носках, ивином и равнодушно пришел к столу.

— А если что-нибудь придумаю? — спросил он... — Если, к примеру... Неужели нет никого знакомых? Знакомых, пардон, у которых винные погреба.

Рэм молча бы салат, откусывая от ломтя черноты хлеба, и равнодушно смотрел на зеленые помидоры.

А бабушка подладила с укоризной сказала Морозову:

— Опять ты, Вая, про винный загоровал! А Рэм, может, и не хотеть совсем. Зачем же чужовые искондывать!

Рэм просидел молча еще. Бабушка сказала опять:

— Вот поешьте салат, а потом уж супчик... Я поставила разозреть. Ждала-то вас к обеда... он и отстал...

— Сидит епш... — сказал Рэм с теплотой в голосе. Морозов со... — выкурись, приходишь за салат. Когда бабушка ушла, он халянул вышкой по столу и тазу сказал:

— А ты, как хозин, ведешь себя по-хамски. Мог бы объяснить своей бабусе, что мне это вода до финишо... и что ты сам тамшишь в первую очередь... амальговской...

— А зачем? — Что зачеи? — Зачем объяснять? — Зачем, что в я-то-я гость, и она мне, к сожалению, никто. Просто твой бабушка... Уаи!

Рэм с удивлением посмотрел на друга и спросил шутливо:

— У тебя что сегодня — сави по фазе? Морозов с напытом горно ответил:

— Да, короткое замешивание.

Оба они по опуму знали, что так, исподлод, ни с того ни с сего подкрадывался к ним горой озлобление друа на друга, подступало неукротимое желание оскорбить, выкрикнуть самое что ни есть гнусное слово, подвернуться в пашу плеча. Ссоры бывали дурными и грубыми, и дурными, всякий раз поселедним, потому что каждому из них не верилось сам, и не хотелось верить, что после таких ссор можно остаться добрыми друзьями.

— Сдаждки они даже подрались. Это было давно, и каждый теперь считал, что именно он в тот раз драки несерьез, хотя драма была настоя-

ция, в поздний час, на старой Большой Каужской, у выхода из парка по тропинке. Они ухмылялись в той драке, но ухмылял их было похожи на голод. У Морозова была разбитая веревная лужа, и она сразу опухла и одеревенела. А Рэм схватился за нос и, запрокинув голову, сделал вид, что ему это все вдалеке и пора ковчаться. И Морозов отдал Рэму свой чистый платок, потому что тут измазался в крови. А Рэм, калябя носом, говорил: «Я бы неплохо дрался, будь у меня крепкий нос. У меня очень слабый нос! А ты, собака, знаешь и бьешь прямо по носу. Кто же так делает?»

Теперь, собравшись с женой и детьми, они любил вспоминать про ту свою драку, словно оно и была самым приятным воспоминанием в их жизни.

«А это ходил неужто неведом, как верблюда», — говорил Рэм про Морозова и ставило, но детски радовался.

«У тебя же слабый нос, Дурачок! — говорил Морозов. — Я же тебя босил бить как следует... И, ошпаренный не только воспоминаниями, тоже с нежной добротой поглаживая на Рэме.

Но в этот осенний вечер, усталые и голодные, шустрые после двухдневной охоты на утку они готовили себя к завтрашнему дню. Им не хотелось этого, но, не в силах остановиться, шли к помывочной комнате, ожесточенно себя презрительным тоном, холодными ущемками и злодой мимикой самоудовлетворения, которая заглаживала каждого из них большое shame.

Морозов звал слабее себя Рэма, а тот давно звал уже в своем друге, потому что не первый раз встречались они на этом ринге.

Иногда им казалось глупее, что они обречены на вечную дружбу и на эти споры, к которым влезали уже обожившие. Споры эти улегались их, но они плали к ним, закуривая глаза, зная о себе, и, словно выломали, вы болтались на кончик того берега, на котором не было для них жизни.

Они все это попиливали сами. Но — потом. Это было их обиход, кажется, уже непоправимой бедой. Они много раз давали зарок не переходить границы разумного.

Но, конечно, ни Седов, ни Морозов не обладали железной волей, но что тут говорить! Хотя каждый из них, как это ни странно, сумел добиться в жизни своего: Морозов стал приглашать журналистов, а Рэм — инженером. Сказать, что Морозов стал очень хорошим, талантливым журналистом, что вычитывался в журналистском как же тяжело и почти невозможно, как стать поэтом. Это просто невозможно! Что уж тут! Поэтами не становятся — поэтами рождаются. Морозов стал добровольственным журналистом, а это тоже влезало в наше сетевое время. И, что самое главное, он никогда не останавливался в журналистском. Все журналисты мечтают писать рассказы. Морозов не был таким сетевым.

Рэм посмотрел на часы, сказал:

— Та-ак... — и задрожал.

Но, конечно, не Седов, следуя с нежной вытаскивая не проксиние епителистические шерстяные носки и ста выводить их на ноги. Сигнеты были теплые, но тоже еще аляжные внутри, и не так-то просто оказалось вытаскивать их на сухие носки. Рэм напрягся, краснел до какой-то высоты и злой беготности, и Морозов не решился спросить, куда это собирается на ноги беготности, как это провала, как это сапоги не влезли на ноги и пятка вот-вот разорвет резиновое голенище... оно-то хорошо знает это состояние озабоченности на прокладке сапога, на самого себя, на весь мир...

Но когда Рэм все-таки вынул сапоги и сива с везлаки штормовку, Морозов спросил:

— Далеко?

— Хочешь — пойдем, — ответила Рэм. — У меня вередки на насморк... черт!

— А куда?

— На кулданы двор.

— Можю и на кулданы, — сказала Морозов и, одеваясь, слышала, как Рэм, выйдя из комнаты на кухню, исполнила в расстроена бабушку своим отомом и как потом Рэм внезапно спросил: «А где живет этот, у которого тогда, ну которого-то обидел, черт демо-то отождал, которого я в Москву-то в прошлом году возвал?»

— Миздан?

— Кажется...

— Ужасно важна тоже же комитеты, и бабушка сказала:

— В дом-то войдешь, будет лестница... Вот по лестнице на второй этаж, а по правой руке дверь... Это ето... Да что же! Не поешью-то? Рэм?! — оцепенелая старая. — Су-то я для кого грела!

— Потом съяди... ответил Рэм и выныривая в выходу, Морозов, покажкаясь, отпернулся от непрозрачного колада бабушки и тоже пошел за Рэмом.

Холодная «Волга», уже третья уже стоявшая посреди двора, отражала какой-то смутный свет. Они вылезли огромной и притивной в этом маленьком дожде, среди разбежавшихся сапыаков и кустов розовой сирени.

Рэм остановился и, словно прихлебывая, стола без движения. В ночь это-то халхало, что-то дребезжало на ветру, посыпавало, шипело... И звуки эти были таинственными и непонятны.

Потом вдруг из потемневшей большой собаки Джинга, вылезла хулом и стала сморгать на Рэма, и Морозов подумал, что вот оно-то, конечно, все знает: знает собачьим своим умом, что это там посыпает сяди дома, а что шипит на ветру и отжуда дребезжания, халхование... У собаки-то сплывание, среди разбежавшихся сапыаков и кустов розовой сирени, по-серой морде. И, когда Морозов так издавала о ней, она нервно и длинно зевнула, и слышен был ее глухой и мудрый злод.

— Джинга, — позвала Морозов тихо. — Скучи? Скучи, старуха... Чего уж! Кому! — сказала он Рэму, у бабушки дунувшей суп, черт побери! Куда мы, собственно, сорвались?

— У меня тут один знакомый с внешними погребями... с улабой ответа Рэм. — Я его раза три виза в Москву, он предлагал деньги за это, но... — Ты буд агентствено... — сказала Морозов. — Все ясно.

— Ничего не ясно. Может, оно было затро в Москву. Мы бы его прихватили... А «ясно» только покаянкам.

— Мерси за комментент... — сказала Морозов с французским проносом.

Потом они шагали с Рэмом по усталому тротуаруку пустынной главной улицы, по которой впереди проехала с севера на юг, к Москве, и с юга

на север грузовые машины, замедляя свой бег в этом полупустом городишке с ограничительными знаками и плохо освещенными улицами. Шоссе еще было покрыто алаот, а на тротуаре покосился лужи, битком набитые опавшими листьями. И вообще ясауд был светлее эти мокрые лужицы, сорванные ветром.

Видя у нас, парку скажем, не парадный! — нарушила молчание Морозов.

— А кому какое дело, — сказала Рэм. — Кстати, и гости мы тоже незваные.

В молчании поднялся они к каменному дому с панорадным, молча поднимаясь по лестнице. — Рэм впереди, снуют ринг в каласы штормовки, Морозов следом. Шаги их по ступеням раздавались вызывающе громко, и сами они вылакали довольно странно на этой крутой лестнице, освещенной только лампочкой, особенно Рэм и своей молкой и тряской кепочки, в которой он ездил на охоту и занимался ремонтом машины.

Падло отстрелявшей пылаю, Рэм позвала и улабушка Морозову, который между прочим подумал, что этот визит ставит их в какое-то дурацкое положение по отношению к Рэму.

Дверь на цепочке притворила сам хозяин и, не узнав Рэм, испугался и хотел тут же прикрыть ее, потянув уже на себя, но что-то, видно, вспомнил, да и Рэм, здороваясь, назвал его по имени и отчеству, Михаилом Михайловичем.

— А-а-а... Седов, — сказала Михаил Михайлович. — Не узнала. Богатым быт...

Он откинул дверь и открыл дверь, зная гостей. Рэм извинился и представил Морозову.

— Мой друг! — сказал он.

— Притвор! — говорила Михаил Михайлович. — Притвор.

— Журналист... — добавила Рэм.

— Очень приятно! — говорила Михаил Михайлович. — Очень приятно...

И тряс руку Морозов.

И было похоже, что ему действительно очень приятно принять у себя дома нежданных гостей в этот пасмурный, осенний вечер. На нем были джинсы, рваные штаны вельвета и байковая рубашка... Он извинился за эти вельветы, как и Морозов за улабуку, а Морозову вдруг не понравилось его странной какой-то нос, словно бы сделанный когда-то плоскобугорными оми самых злодеев, кургузы и смешной нос, приадающий лицу сугубо выразитель. Впрочем, Морозов это бегло отметил, про себя, а сказать, что ему активно не понравилось нос хозяина, было глупо, просто не успел подумать, стопа в прихожей, что бываю носы и получаю этого да и лица попятнее. А тем временем женой Михаил Михайловича, радулывая нос и очень помая женщера с симпатичным носиком, приселась приснутой стопа отбавить об не свои сапыаки сорок шестого размера. Потом и Морозов тоже.

— Такая спорот на улице, — говорила Михаил Михайлович, поглаживая на Морозову, — у меня в такую погоду ноги стоуют... Вот я и в вельветках. Уж прошу просят меня...

— Как вы скажете! — спросила Морозов озабоченно. — Стоуют?

— Болит, в смысле... Это уж, знаете, так... хке!

— Нет, а по-моему, очень хорошо — стоуют... с какой-то напусковой задушноотью сказала Морозов. — Да и мы ведь тоже не во фраках... как вы замечаете.

— На охоту приехали! — спросила Михаил Михайлович, подальше как будто это, что журналисты вдруг понравилось его слово.

Ответа Рэм.

— Ужасном затро...

— Присаживайтесь, пожалуйста, к столу, — пригласила Михаил Михайлович. — Пожалуйста, прошу вас.

И когда уже подосае к столу, нахрытому пестрой скатертью, Михаил Михайлович с усмешкой спросил, какой-то странно пдажал свой нос:

— Убана чего-нибудь?

— Кому, — сказала Рэм тоже с усмешкой.

— Дикую! Неужели в наших лесах есть дикие козы?

Рэм рассмеялся и смущенно сказал:

— Это, как в анекдоте... Один спрашивает, чего убил. Коту, говорит.

Неужели козу? — вылезл лесех дикие козы! Нет, говорит, коза-то не очень дикая, а вот козы — дикий... Так и у нас... Смешно.

Михаил Михайлович улабушка и не совсем понятно, как себя вести, смущенный то же, как и Рэм, сказала неопределенно:

— Да-а, это смешно. Дикий козы... Это очень смешно. И домашняя коза? Я так понало? Это действительно смешно.

— Чего уж смешного! — сказала Рэм. Он увидел доз хозяина, которая вышла из смежной комнаты и разволнуло огадеала гостей, кинув им с какой-то бегловатой тремасой на лице. Девушке было лет восемь-надесть, у нее были длинные красивые ноги, красивое лицо, глаза с черными стрелочками и пышная, словно пелом поспевшая прическа. Рэм не обратил внимания на ее странное приветствие, сказала нарочито громко:

— Растет ребенок!

— Да, — сказала мать. — Большие детки — большие бедки... У вас-то, кажется, сын? Тоже, небось, в школу пошел!

Рэм усмехнулся и тихо сказал:

— У меня дочь. Муть поминала вайш!

Наступило неловкое молчание: гости не знали, о чем говорить, а хозяева хотели, вероятно, узнать, догадаться: дело ли какое привело гостей в их дом или просто зашли на огонек!

— Ну а как машина? — спросил Михаил Михайлович. — Бегает?
— А что ей сделается?
— А у вас какая машина? — спросил Михаил Михайлович у Морозова.
И тот, не успев даже сообразить, не успев понять, что врет, ответил, пожимая своей откровенной лжи:
У меня... «Москвич»...
— Какой модельки?
— Да это... последняя...
— Чертасть восьмой?
Ага, — сказала Морозова, поймав тайную усмешку в глазах Друга.
— А в нем ведь, кажется, сил пятнадцать?
— Да, — сказал Морозов, понимая дурацкое положение, в которое он поставил себя.
— Можно сказать, — не унимался Михаил Михайлович, — вы владеете табуне из пятнадцати скакунов.
— Да это... так... как-то приятно, если подумат... Лошадка, — говорил Морозов, не в силах объяснить или хотя бы понять свой странный поступок с этим враньем про «Москвич». Это же знает... вы хорошо знаете... Да... Рэм, а «Бола» у вас есть? Или нет? Кажется, совпадает... петь.
— А что вы знаете, — ответила Рэм, сдерживая улыбку. — Журналист! — сказала она зловеще. — Должен уметь все понять, все знать... Машины себе купил не для чего-нибудь там такого, а просто так... Захотел и купил... по-моему «Москвич»... Не едет совсем. Машина прекрасная, а ему черт бы с ней.

— Гаражи есть, — сказал Михаил Михайлович понимающе.
Морозов на этот раз хотел ответить, что гаража-то вот как раз и нет, но Рэм опередила его.
— Как же! Там и гараж, рядом с домом... Думаю давать купит и врет. Я же советую... Хаюлот много.

— Да нет, — сказала Морозова. — Насчет дачи... вообще...
— Повременя, повременя, — сказала Рэм. — Не к стуху.
А Михаил Михайлович сказал по-другому искренне и с радостью:
— Дачи, ребята, хорошая штука. Тем более, вместе машина. Завидное дело. Конечно, хаюлот с домом немало... Но и то сказать — какой дом! И он тихонько и как-то грустно зямелось.
А хозяйка между тем застала стол белой скатертью, вынула из серванта стопку тарелок.

— Уж не ради ли нас? — спросил Морозов. — Ради бога, ничего не надо... Мы ведь просто на охотку...
— Но и хозяин и хозяйка, как-то таинственно и покаянно переглаживая, и слушать не захотели. И Рэм тоже, кажется, не очень довольна осталась этим «Ради бога, ничего не надо». Он опытный с марчатовой натурностью сказал Михаилу Михайловичу:

— Журналист, а вот тебе не забывает.
— А, ладно, — сказала Рэм. — Побойсь бога и я... помошачи, пожалуйста.
А тарелки на стол были белые, керамические, обильные — желтые и алмазные. И в комнате рядом запахло холодом соленых грибов, приятных их ароматом... и, тоже обильные, блестящие они появились на столе и керамически и как-то примитивно скучными ослизнями, словно бы перенерв жителя рисовка на сырой галине этих условных ослей...

— Грибы! — сказала Рэм. — Это восемнадцать четыре года назад я их ела в последний раз... и грибов...
— А что это за грибы? — спросил Морозов.
Рэм мрачно посмотрел на него и сказала с задвоек:
— Ты бы достал залпную книжку и карандаш. Также грибов больше нигде не попробуешь и даже не увидишь...
— Да что ты, — сказала Михаилу Михайловичу. — Это обыкновенные синюшки. Но — как посолит! А то и груды не в груды!

Морозов начал зянуть, уже ему было противно слышать слова Рэм, понимать собственную обязанность на самом деле и вообще на всю эту зявку, и он решил отмазаться, не пить и только, может быть, для приличия попробовать грибы эти, которые были действительно очень хороши, словно тоже были из обильной керамики.

А когда хозяйка принесла в графинчике какую-то золотистую прозрачную настойку, Михаил Михайлович объявленно потер ладошку и сказал:

— А вот и огонеч появился... Принял на огонек, а огонек — на столе. И Морозов почувствовал жар от внезапного стола, который обжег лицо, когда он услышал эти слова дождавшегося обо всем хозяина. Кажется, и Рэм тоже смугнула.

Это была рыбешная, очень крепкая, градусов под шестидесять, и в общем-то, приятная настойка... И когда они «хлоуноули», как сказала повеселевший Михаил Михайлович, по первой, из комнаты опять вышла Друга. Теперь на ней были застегиваемые брюки, и она показала и Рэму и Морозову процесс расстегивать, так необходимо показывая она в этих облагораживающих брючках на длинных своих ногах.

— Да, — сказала Рэм. — А ребенок-то, кажется, уже вырос.
И она все с той же предостерегающей грамотной прощала мимо ослив, выскокив носку пинталую прическу, проламывая над Рэмом и Морозовым, не замечая и не слыша их, и только в дверях сказала:

— Я к Наташе.
— Не позже двенадцати, — сказала она. И было видно, как загораются от своей дочурки перекрестки ее ослив и как привлекательно встревожилась за нее, уходящую из дома в темень осеннего вечера.

Морозов от следующих рюмочек отказался и, как это не странно, почувствовал себя вадут на работе, словно приехал сюда по заданию и встретился с вот с человеком, с которым нужно было что-то выпастить, а что именно и зачем — он не знал, и скучно одолевала его.

Впрочем, и Рэм тоже, выпив еще две рюмки, сказала, похрустывая синюшкой:

— Буди! Запрятать ехать чуть свет и тут уж...
Михаил Михайлович удерживал Рэм и Морозова, не стал.
— Да-а, — сказала он, поглядывая с усмешкой на жену, — вот чего я понять не могу, так это охоты в наших краях... Ну хорошо, местный какой-нибудь взяв ружьишко и пошел, вместо того чтобы воду пить, по берегу

озера... Авось, там-кажет какой-нибудь утка. Это понятно! А на вас полагать и ладно двосю. Удво что-то, а коую-то не те деньги, которые застряли, вполне можно кушать...

— Все правильно, — сказала Рэм. — А то и с козлятами вместе.
— Один безвизн чего-то ступил — удивленно сказал Михаил Михайлович. Это чудный! В общем, все чудно, — сказала Рэм. — Долга, семечко колдаты и нутные джиджиды... Давайте-ка еще по одной рюмочке! И знаете, за что? За самую прекрасную, безумную, дурацкую, неудачную охоту! Мне иногда кажется, что самая удачная в жизни охота — это неудачная охота, потому что неудачная охота не может быть еще неудачнее... Одна музурный ученик сказал, что открытием — это выход из тумана, в котором ты зашел в работе. Нет тумана — нет и открытий. Это не всегда так, но это здорово сказано.

— Вы говорите, как застрявший тамара за грузинским столом, — сказала ему Морозова, заглядываясь восторженностью и искренностью Рэм.
— Нет и меня тоже ответила журналист. Принято, — сказала Рэм.
А Михаил Михайлович с задушной улыбкой навалил в рюмки «огонек», и когда все выпили, он, не закусывая, сказал:

— Сашиним иди на землю само так открытий.
— Чем больше, тем лучше.
— А выстакую? — спросил Михаил Михайлович с житрой улыбкой и поджал свой нос.
— Какое выстакую?
— Вскиде. То там, то тут, то у нас, то у них, то у машин, то товарам, то мебель, то еще чего-нибудь... То гаражи какие-нибудь...
— А что же плохого?

— Да плохого-то ничего, конечно... Я так к тому, что сашиним много на земле... выстакать охоты, рекордов, выстакать, а вот в каком еще доме ты встретишь, допустим, охотнее всего всякую, грибки вот такие... Вот я и говорю, что люди уж очень уверялись всякими рекордами, открытиями, и тому подобным... Ну, хорошо, выпили мы за охоту и к тому же неудачную. Я за компанию выпил, а дождаюсь, а я ведь против такой охоты. Вот в чем дело.

— Это он так, — сказала Морозова. — Имя в виду выпили сейчас, а не самую охоту. Он пил за неудачу ради неудачной удачи... Стало быть, пил за удачу... Так надо понимать.
— Нет уж, поговаривать, — сказала Михаилу Михайловичу. — Он так и сказал: за самую удачную охоту, которой для него является неудачная охота. За туник, из которого надо искать выходы, чтобы сделать какое-то там открытий. Я верно понял?

— Какое выстакую?
— Уж я не знаю, какой такой выпили сейчас можно отыскать на всем свете. Ведь до этого дошел! Пригугу там какой-нибудь мальчишка на один сантиметр выше, чем прыгнул до него, — этого мальчишка и сава, и по чему-то дельты и все, что он только выстакует... И ведь, мир поидет, все страны обьездит, по телевизору выступит, в газету обьездит, как и по чему-то самое важное, пишут. А дело-то кийд выданного не стоит... Смешно ведь против! Пригугу на полсантиметра выше — и все. Ну, кому, спрашивается, тут жить! Это полсантиметра? Что я от вас, счастливый буду, как мне зарплату прибавят? Я ведь не мечтаю какой-нибудь, которую только бы видеть поумнее... Нет! Я не из тех мастодонтов. Я ведь не против всяких там достижений и вообще спорта... Но уж из мухи слона-то зачем же делать? Это мне непонятно. И вообще поумнее бы туник и неудачных охот, как... А выпить за это — почему бы не выпить за компанию? Выпить за это можно.

Рэм посмотрел на Морозова и сказала ему с теплотой в голосе:

— Ну, журналист, твои слова.
И Морозов тоже с добром и нежностью взглянул на Друга и, вздохнув, сказал:
— А что ж слово! В общем-то Михаил Михайлович совершенно прав: поумнее бы туник и неудачных охот.
— Что ради чего?
— Удачные охоты? Чтобы овалить дичину и поджарить, а потом соржать?

— Ну, почему соржать? Можно просто с ашпитетом съесть.
— Если бы не было туника и неудачных охот, люди до сих пор бы ходили в пугарк и охотились с каменными топорами.
— А разве это так уж плохо? — спросил Морозов с удивлением и очень искренне. — Кто мне ответит на вопрос: ради чего живет человек на земле? Не в том человек, а вот, например, ты, и Михаил Михайлович, и вот наша маленькая хозяйка.

— Надежда Ивановна, — сказала Михаилу Михайловичу, внимательно слушая Морозова.
— Надежда Ивановна, — говорила Морозова. — Вот, например, взять наш дом, в котором я живу. Огромный дом на пятнадцать квартир. Ну, если в среднем выпить по пять человек на квартиру — это полновыгодная тысяча людей... Можно сказать, большой поселок... Живут инженеры, токари, продавцы, бухгалтеры, ученые, дворники, милиционеры...

— Журналист, — сказала Рэм с презрением.
— Журналисты, врачи, шоферы, — продолжала Морозова.
— Зубосортильные техники, — вставил Рэм в тон Другу.

— Очевидно может быть. Но не в этом дело. Впрочем, я вижу, никому не интересно. Давайте договорим о чем-нибудь еще.
— Нет, нет, пожалуйста! — сказала Михаилу Михайловичу. — Рэм просто шутит.

— Да я и охотиться, о чем тебе сказать. В общем, в этом доме жил Гончик. Я не знал его, не знала, в какой квартире живет и вообще видел его только... Журналист, — сказал Морозова, когда он отшелкал от дома на своей сумасшедшей машине, в шлеме всякий раз оглаживался возле утка, и она и кому-то вела да ружья...
— Интересная история, — сказал Рэм.

— А потом оделась какие-то тыгуче гудки, гудки, гудки за окном, разные и слышались в один какой-то ступил, надтреснутый сигнал. Па-

рень этот разбился... не сумев выйти из колеи на повороте и врезался в какое-то дерево... Был дождь, как и в тот день, когда он погиб, а внизу стояли шеренги погонные машины, среди них «Волги» и «Москвичи», тоже погонные, с большими номерами на дверцах... и все они гудели, когда вылезал проб. Вот и все. А ой, какой раз засмеялся домой и отпрыгался куда-то на треножки или на соревнования, разогнался с места и в грохоте мчался прочь, а потом оглаждался на мгновение и взмахивал кому-то приветственно рукой. И потом. А ради чего? Чтобы прийти на минуту раньше соперника? Или потому: жила человек в доме, в которм и я живу... Наверняка мы с ним встречались и смотрели друг другу в глаза, случайно, конечно, как всякие прохожие. И вдруг он погиб, один из этих двух с половиной тысяч. А ради чего жила? Насколько я понимаю, ведь гошники специально входят в крутой поворот юзом. Значит, из — это тоже тупик, из которого надо выходить вперед... на пружку... Он жезл со мной радом и занимался в жизни только тем, что входил в эти тупики и мчался к финишу в надежде прийти на минуту раньше, чем он приходил в прошлые разы. А я и не знал об этом. И вообще мне кажется, что каждый человек должен устраивать в своей жизни хотя один такой «юм». Разве мало в жизни человека крутые повороты? А как, как правду, сбавляем скорость.

Ром усмехнулся и сказал:

— Загладочно, но, в общем, правильно, если это все расшифровать и изложить нормальным языком.

— Да... сказала Микша Михайловна — Загладочно... Но это тоже не пример. Жалко, конечно, гошника, но где же логика? Это ведь тоже один сантиметр...

— Ну а как жеи? — спросил Ром уже обомлело. — Как же должен жить человек? Он совершенно прав: все мы обманываем хотя один раз в жизни войти в поворот юзом и не сбавляя скорости, выйти на прямую... А как же иначе! Если сосчитать, сколько людей научил меня быть человеком! Один научил ходить, другой писать буквам, третий стрелять из ружья, четвертый водить автомобиль, пятый понимать чертотен и кое-что другое, шестой научил курить проклятый табак, седьмой... так можно до бесконечности, и пальцев на руках не хватит. Сто лет назад меня никто бы не смог научить водить автомобиль. А через пятнадцать лет, быть может, мне удастся, образно говоря, научить какого-то человека, который еще не родился, управлять каким-то сверхъестественным аппаратом, который тоже, как этот человек, еще не родился... А как же иначе! Каждый человек должен прыгнуть на один сантиметр или хотя бы на полсантиметра выше, чем прыгали люди до него. Иначе жизнь змрет...

Все усмехался, а Ром подумался, взглянув на часы, сказала Морозову:

— Пора. Бабушка сейчас еще супом начнет угощать.

— А как же чай? — спросила Надежда Ивановна.

— Ну при чем тут чай? — с усмешкой сказала Микша Михайловна. — Они пришли просто из гостей, а отсюда уже нет...

— Это был выход, и Ром принял его. Он вынул из кармана помпучку трещку и, аккуратно расправив, положил ее на крайшек стола.

— Что это значит? — спросил Микша Михайловна, вставая. — За кого вы меня принимаете?

— Подем — сказала Ром.

И Морозов, совершенно не подготовленный к такому обороту дела, покорно поднялся и усмехая сказавное в стину:

— Хамье.

И усмехла звук разрываемой трещки, наги садеом и, когда они уже спускались по лестнице, Микша Михайловна бросил в спину клочки

трещки, и это было очень неприятно, и особенно, когда Микша Михайловна крикнул им сверху:

— Хамье несчастное! Навонная тут на всю квартиру своей грязью.

А Ром спокойно сказал:

— За все уладичево, сельдор.

Они вышли на улицу, и Морозов недоумоенно спросил у друга:

— Ты с ума сошел?

— Надо учить хамом.

— Хамством?

— Мы ему преподали и другой урок. А он опять про гостей, ну я и не сдержался... Да ну его к черту. Не было его — и все. Точка. Забыл о нем. Отключался.

В небе прояснилось, и показались звезды. Под деревьями стояла какая-то паря, и когда подошла ближе, они увидели дочь Микши Михайловны с каким-то парнем. Она была в пальтике с поднятым воротником и прижималась к дереву, словно бы греться об его корявый ствол. Она узнала их и отбежала вперед, заглядывая куда-то в сторону.

А Ром, прощая мимо, тронул парня за рукав и сказал ему по-дружески:

— Зарасте, Наташа.

Парню тоже было лет восемнадцать.

— Привет, — сказал он Рому насмешливо. — С праздником.

Ром подмигнул ему и сказал задумчиво:

— Я не пьян, старичок. У тебя красивая девушка, но дай тебе бог счастья хотя один раз в жизни войти в тупик и выйти из него вперед. Привет! Не сердись на меня, у меня сегодня и в самом деле предзачинное настроение, потому что... а кажется, впервые в жизни, старина, не поссорился со своим лучшим другом... Ну, прощай меня.

Морозов ждал его, усмехаясь.

— Да а не обижено, — сказала парень. — Бывает...

— Бывает! — сказала Ром. — Ты все-таки думай, что я пьян. Очень жаль.

И, когда подошла к Морозову, он спросил обижено:

— Неужели я похож на пьяного? Этот чувак меня принял за пьяного...

— Ничего, — сказала Морозов. — Девушка все ему сейчас объяснит.

Кстати, а как ее зовут?

— Не знаю.

— Хорошая девочка.

— Если она и дальше будет обманывать родителей, из нее, быть может, получится толк, — сказала Ром и добавил: — Такого папашу надо обманывать. Ничего грешка.

Они вошли во двор. Минина все так же холодно и величественно стояла возле сарайчика.

Ром подумал к ней, поглядывая ее и сказал:

— У Элоара хитрый какой-то состав. Верной А «Москвичовичев» — добродушный такой паризант...

— Похоже, — сказал Морозов.

— Эра мн, черт возьми! Если бы я не выпил, мог бы сейчас уехать.

— Ничего, — застрел уром.

Они вернулись к бабушке, которая ждала их и которая тут же принесла с кухни горячий и упреющий суп и стала разливать по тарелкам, и Морозов отметил про себя, что Рому она положила кусок мяса похуже и побольше чем ему. Но это было естественно, потому что старая очень любила Ром, своего внука, который чаще всех приезжал к ней в осенние дни.

Рисунок О. ВУКОЛОВА

ЛЮДИ И ХОЛОД

нашего века, Западная Европа и Северная Америка. Люди поднимались по ступеням широт, как по лестнице вскапывали условия.

География современных наивысших достижений удобнее даже обозреть не из библийских мест, а из заповедной Гренландии. В радиусе 4 тысяч километров от нее уместится большая половина общего индустриального потенциала мира.

Случайно ли это историческое совпадение? Отнюдь нет. На нем специально останавливал внимание Маркс.

«Слишком расточительная «природа», — писал он, — ведет человека, как ребенка, к помощи. Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не тропический климат с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала».

Объяснил исторический факт — связь появления капитала с умеренной зоной, — Маркс вводит в свое суждение и более общую, широкую мысль. Он говорит о благотворной роли природы, когда она, «нерасточительная», сопротивляется, заставляет пасти и вынуждает наступательную природу вообще, в том числе и «человека», когда люди преодолели зной, безделье, изменчивость.

В известные времена означало, что обитатели с условиями умеренной зоны для людей вполне по силам, чего нельзя было сказать о земных тропиках или полярных областях.

Только уродством буржуазного строя можно объяснить то, что новые научные и производственные силы стали обращаться в оружие угнетения других народов, в оружие колониального грабежа, вместо того чтобы послужить культурному и материальному подъему отставших районов.

Но в умеренной зоне родился не только капитал, а и «капитал», повзрослев научная разгадка хода истории, сложилось истинное учение о развитии народов и наций.

Безусловно, обитание в разной природно-географической среде, своеобразные хозяйственный и жизненный уклады по-разному лепили облик нации, та и другие национальные характеры. Но по-разному — это не значит в разной мере успешны. Это значит: просто различно. Сравнивая многих жителей севера и юга, мы всегда узнавали их несходство: напористость и импульсивность, сдержанность и общительность, даже немногословие и словоохотливость. Шведский этнограф Страндберг полагает самым волевым языком в мире наречием финнов, затем канадцев, а самым разговорчивым — итальянцев, бразильцев, мексиканцев.

Среди народов нет избранных, но нет и похоти. Каждый из них по-своему обогащался в многовековом пути, в спорах с разноязыкими стихиями.

Известно, что с ходом развития все более превосходящий, решающий вес приобретает сила и воля общества, а не окружающие его условия. Рост нашей власти над природой означает, что все больше ее стихий, сил становится усмиреными, подконтрольными человеку. Но там, где победа еще не закреплена, на порогах жизни человека, на границе возможностей, — там и теперь сопротивление природы вносит свою лепту в возмещение человеческого гуда и мысли.

Подтверждение этой мысли обобщенной и отвлеченной мысли мы часто встречаем в самом живом и реальном виде, наблюдая в характере своих современников. Это сияет любовь, что достоверно видно по нашей многоликой стране, видел, как в верную землю или сыпучий песок забиваются первые колонии, а потом вырастают стройки, заводы, города. И вырастают люди с характером. Народом ползает по ступям афоризм: «Мы поднимаем целину, целина поднимает нас».

Так и есть.

И замечательно, что в первые ряды наступающих на ту или другую «целину» у нас приглашаются молодежь. Конечно, почему значимы новосмоленских ударных строит отмечают рудный Тазар или нефтяной Сургут. Здесь первый край работ, и здесь, как нигде, молодого человека встречает школа мужества.

Можно особо говорить о закалке, которую дает человеку спор с холодом, можно говорить, что такая закалка уже сыграла и сыграет еще большую роль в судьбах нашей страны. И это не потому, что зной — «судачий воспитатель», а потому, что стихия холода отступает нас плотнее.

Фасадом к Ледовитому

Россию хорошо известно не только холодное зрелище — зима, но и холод простояет.

Вспомнишь два недели сидения, проваданные однажды на вассе Шмидта в оленячий аэсадин «СП-12». Пока идешь для нее льдину, а новелле нам пришлось справлять ак в западном полушарии, над Антарктидой, — от нечего делать, в томечении я каждый день отправлялся пройти до оленечности вассы. Там было пусто, не считая трех-четырех щепящихся крастов, огромных старыми крыльями спичниками. С оленяца направила знойный холод. А за спиной и в стороны — это там остро чувствовалась — лавина на сотни километров таежно не сплавившая холодом, заснеженная земля.

Известный фотодокад и полярный исследователь С. О. Манасов писал, что Россия находит здание, развернутое фасадом к Северному Ледовитому океану.

Связано очень точно.

На севь с лишним тысяч километров, то есть без малого почти на половину длины Полярного круга, вытянулся от норвежской границы до Берингова пролива фасад страны, открытый полярному дыханию. Вдоль берегов хоть бы один горный заслон! И, наоборот, по южной границе выстроилась линия (Гиндукуш, Памир, Аташ, Саяны, Становое нагорье — сплошной барьер, который останавливается и у нас не заставлял плавить холодные массы, приносимые из Арктики.

По этой и по ряду других причин полярные

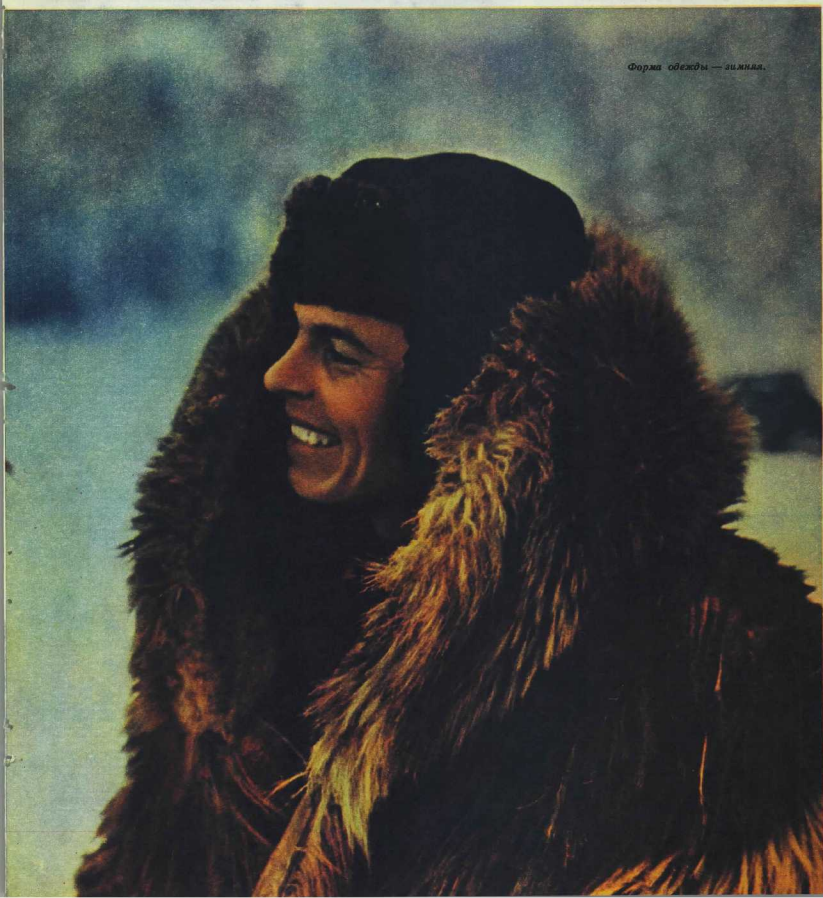

В полярной авиации не бывает «летных часов».

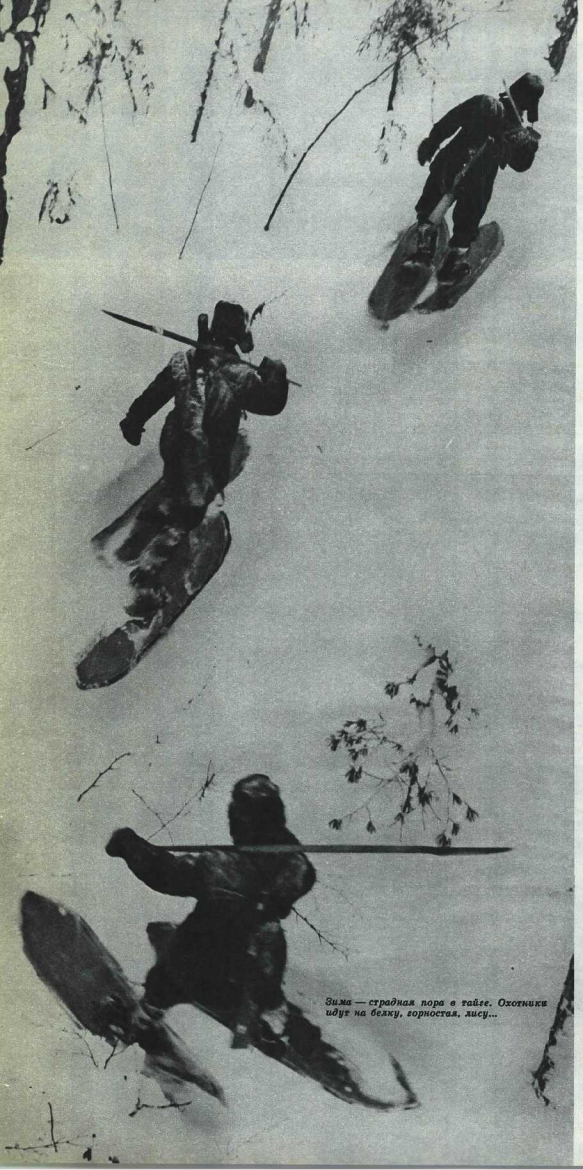
«СП-12»... Форпост науки у самого Северного полюса.

Зимой на строительных площадках людей не становится меньше...

Форма одежды — зимняя.

Зима — стройная ледя в горах. Охотники идут на блуж, горноста, дису...

области выдаты дано на юг от символического Полярного круга.

Судить сами. Зона вечной мерзлоты занимает у нас 10 миллионов квадратных километров — почти всю нашу территорию. Границы ее нечетки. Устье Канина Носа и резко обрывается вниз по карте, заков концы Байкала. Во льдах лежат и единственная морская дорога, связывающая дальние оконечности государства.

Итоги, в России с Севером сражена прочными нитями.

Уже в XVII веке сами плоскодонных юной Денкева вымырнули в проходе между Азией и Америкой. За одним смельчачами на Север отправлялись и другие. Не все возвращались. Ужасе в нашем веке погиб в Арктике В. Русолов. Бесследно пропала группа Г. Бураковской. По дороге по полюсу замерз Г. Седов. Многие имена упоминались на карте Арктики, но они не монументам нить всех. На одной из поминутых могил сына Шмидта я узнал имя сына Евгения Иваномча Телетникова, нашего известного полярного исследователя. Встретившись потом с Евгением Иваномчем, я на рисунку ни о чем сплоскодонных думал про себя: круто, кровно это связано — горечь навозарных утрат и неотъемлемое торжество достижений.

Если вспомнить советское начало — Карские экспедиции, поход «Сибиряков» — великие перевалы, Челюскинскую эпопею, ледяни палантинцев, — в походе и Арктике обринуется нечто новое. Дело не только в том, что о полярники писало, говорилось маршале с той как о строителе Днепрогоса, Туркиба или Магнитки. Дело больше в замкнутой между строк ландшафтной, бурной арктической работе. Она вымороженно неосозеркимо ни с чем.

Можно спросить: а была ли такая необходимость — лезть в самые льды, когда страна с напряжением жила брада штату индустрии, когда и с реконструкцией насамомного хозяйства хватало забот? Ведь на тех порах Север не отрывал скольконибудь существенной работы. Она вымороженно неосозеркимо ни с чем.

Речь идет о научной комплексной разведке, опережающей практику.

Можно оглянуться на любую предыдущую страну — на русскую дореволюционную, на Сибирь, на американский нашуумевший Клондайк — и увидеть, что вышло до тех пор. Случайно находка, столбы бы завом, озноб и марш пропыленной лисокарды, когда поселения старателей завалили стонниками. Насам уж сам обности Действительности, обности бы завом, озноб и марш пропыленной лисокарды, когда поселения старателей завалили стонниками.

Насам уж сам обности Действительности, обности бы завом, озноб и марш пропыленной лисокарды, когда поселения старателей завалили стонниками.

Полтысяч лет — подумат только! — в России знали об утинской нефти. Након-то, говорит, купорос Фальма. Охотились в Сибири на «красный золотом» и золотом просто. Была цена ли туземцев за станы золота — станы спирта за бутылку. Кто-то грал руки, а на Севере оставалось «поладность и самая настоящая динность». И вот иначе. Одно — что с первых пятидесятых отдалени стали замалывать постоянные очаги нечисти — Игарский порт, комбинат в Хабаровске, Хабаровск, Березинский —, что началось национальное строительство и северных разработок. Другое же — что началось далеко назеленое, систематическое изучение природы, началось научное строительство, которое привело в Сибирскому отделению Академии наук с его Буртинским, Якутским, Восточносибирским, Дальневосточным филиалами, десятками институтов, лабораторий, станций. Надо представить себе обности научных напольнений. Советские исследователи совершили добрых полтысячи экспедиций в Арктику. Сотни тысяч километров покрывают ежегодно самолеты ледовой разведки. Полярный бассейн прочертили маршруты пятидесяти дрейфующих «СТ». Больше 100 полярных станций открылись на побережьях и островах Оймяк Семвопурт. Геологи разведали мерца.

Козийство получило возможность пускаться в Арктике глубине моря.

Име поминать, например, встреча с Норильском. С аэродрома ввалил автобусом, заросшим внутри иномем, нам пешера — какой там за очагами горюды разле увидишь. С разбега (стоило за тридцать с ветром) в пробой три дери гостиницы и залу. Юбе увидал зелень, зелень, зелень. Теплые волны на напорифера шевелили листья. И это — угадайте уже привычными — цветы в наждой комнате, вышкола служебные кабинеты, ванны с горной водой, уют многоэтажных домов, впаивных фламив в вечную мерзлоту.

А еще когда в Норильске началась стройка. Опы и спор. Предлагали здесь только черпать руду, а перерабатывать вальше — на материке. Неполный цикл, а то и сезонное производство а зручнейшей Арктике даме теперь не редкость. Откачивают асбестовые рудники Кассар (Усман). Нилевоорудные предприятия Лабрадора работают лишь 3—6 месяцев.

Норильск работает круглый год и плавит металлы сам.

Не он один и каменный. Помнит время, когда печна из «черногого иригича» в Дудинке была единственными каменным строением и залу. В 1956 году каменных зданий в Арктике строилось 15 процентов, а в 1961 году — 67 процентов. Да и камень уже, как говорится, не покладное слово. Писали, что в Мирном начато строительство первого здания из алюминия. Успешно, обращенные нашей страной к Северу, как ининиме, принасле, также не исключено и зарубежом. Советский Север дает значительно часть алюминия, алявитого юм — интра, золота, олова, лесоветериналов, никеля и многого другого. 1000 километров к северу продвинулись за последние 20 лет сельскохозяйственные культуры. Удивительных успехов добиваются, например, Хабаровск и Тынсинский ольпачные станции. А вот нечто новое в массовом сельскохозяйственном

производства высших широт. Выступая в «Правде», писатель С. Баруздин выдвинул такую проблему: куда девать избыточную мощность идиотскую и глупую? Затворились... Неужели вывозить?

Еще новость с Северомурта. Тридцать с небольшим лет назад на него радио это надеялся. Б. Братфус исторически писал, что «в нашу геологическую эпоху (геологическую) не приходится считать с Северным морским путем как транзитной морской трассой».

Транзитной? Как раз в немешиную навигацию «Нововоронеж» старым по Северомурту каменистой морской трассой.

Стало так, и так и должно быть. Арктические будни еще раз подтверждают, что идущим на север дается много.

Север на востоке

Экономика нашей страны все активнее наступает на восточные районы, в Сибирь. Вояд ли стоит напомянуть здесь, читателю о грандиозных успехах этого края, но, пожалуй, стоит подчеркнуть, как стремительно они прогрессируют.

Только один пример. Справочник, посвященный советские и изданный в 1960 году, себерской нефти мог посвятить только одну строку: «Ведутся поиски и собственной нефти». В том же 1960 году появились сообщения, что томская нефть найдена. В нынешней пятилетке Западносибирскую нефтегазовую провинцию считают крупнейшей в стране, ее особенно едва ли не самый большой комплекс работ, спланированных до 1970 года. Тогда Тюмень будет уже давать нефть столько, сколько в 1960 году давал сам Ашарбидин, а в 1980 году — ровно столько, сколько в 1966-м получала вся страна.

Так развинулась одна скромная строчка справочника.

Нынешнее изучение Сибири направлено уже не только и тому, чтобы открывать новые богатства, но и к тому, чтобы сдавать под освоение не разведанные запасы, а комплекс богатств, существующих для разностороннего формирования хозяйства. Это определяет и характер строительства. Заметить, что в нынешней пятилетке объекты строительства часто обозначаются не именами предприятий, а пространственными понятиями. Мы говорим об Ангаро-Енисейском энергетическом районе и привязываем к нему системы энергетических производств, о Канско-Ачинском индустриальном узле, о базе металлургии, опирающейся на руду и уголь Южной Якутии. Освоению действительно подлежат территории.

Итак, направление «с запада на восток» становится магистральным в дальнейшей размещении нашего хозяйства. Что это значит с точки зрения разговора о холоде?

Тут следует вернуться к одной беде упомянутой особенности климата нашей страны. Приходилось ли вам смотреть на изотермическую карту? Изотермы — это линии, которые соединяют точки с одинаковой температурой, например, средненоварской. Они как бы рисуют границы той или другой холодности.

Казалось бы, таким линиям положено идти ступенчатыми с юга на север, подобно широтам. Однако у нас из-за валовой континентальности дело обстоит иначе. Изотермы бегут «поперек» страны широкими дугами, как распространились бы волны от чего-то, что «ушло» в Обь-Иртыше. Обь-Иртыш — есть место падения, максимального падения температур, полюс холода.

В целом складывается такая картина. Точки со средненоварской температурой — 10 градусов — образуют дугу Ленинград — Москва — Волгоград — Фрунзе. Спадающая изотерма — 20 градусов — проходит по иривой Нарын-Мир — Свердловск — Красноярск. А изотерма — 30 градусов — касается себя от Диксона и Игарки и дальше и Чите.

Получается: чем восточнее, тем «свернее». Правда, по краю Дальнего Востока снова теплеет. Как ведь соседние центры погоды в стране располагаются юга ближе. Значит, наше генеральное направление «на восток» равносильно тому же, что юг на север!

Дальше. Хозяйство продолжает распространяться и на север строю. Как замечает советский ученый Г. Агранат, в Арктике привлекает исторически не тронутый или почти не тронутый комплекс природных богатств. Отмечается значение и уникальность целого ряда месторождений — по мощности, по богатству полезного вещества в сырье. Возьмите хоть прогретый Таллах, в руде которого 24 процента чистого металла. Возьмите последние сообщения о находке нефти в Новом Порту (Ивал) и Нарын-Мире. Скорее всего черное золото будет добываться прямо с азиатских Ледовитого океана.

По некоторым подсчетам, до 1980 года в районы Севера будет вложено около 70 миллиардов рублей. Здесь уже запланированы работы на большую сумму, чем было вложено в народное хозяйство за довоенный период.

А теперь подумаем, что все эти факты значат вместе. Значат они как будто одно: что через каких-нибудь 7—10 лет советское хозяйство, значительная часть его мощностей, будет работать уже в более суровых условиях.

На восток и на север мы двигаем арматуру производства, техники, транспорта. Она идет в области холода, и это следует с полной мерой учитывать при подготовительных работах — планировании, проектировании, конструировании и т. п.

Директивы XIII съезда партии недаром подчеркивают: «Обеспечить выпуск машин, оборудования и механизмов, предельных выходов из эксплуатации в условиях низких температур». Справедливо будет сказать, что эта работа касается не отечественного конструирования, не легкой «сгонки» изделий — она касается большого, принципиального направления работ.

Каток — воюлок зимы.

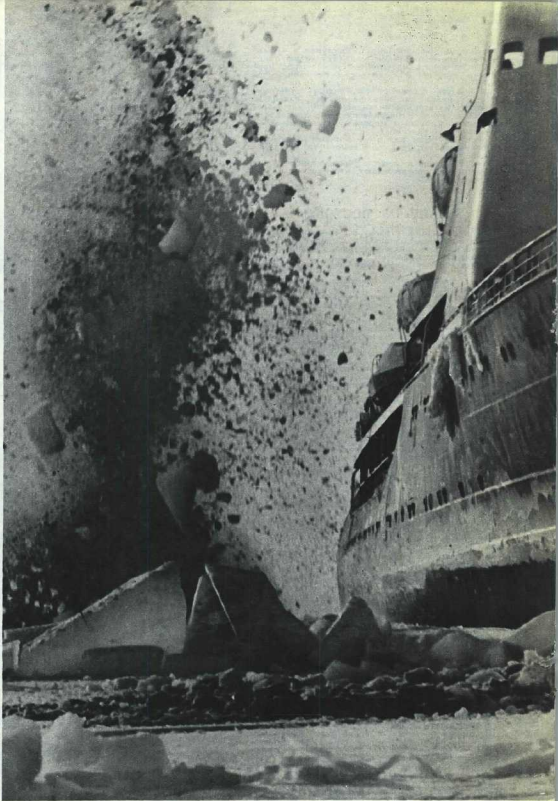
В ледовом походе нередко приходится использовать силу взрыва.

Теперь пора докончить начатый раньше разговор о некоторых издержках. До самого последнего времени на Севере действовало (да и действует) немало тех же самых нормативов, что и в югу. Туда посылали такие же машины, механизмы, материалы, как и в среднюю или даже южную зону. И убытки этой манеры никак нельзя списать на природу, а следует отнести в дефицит хозяйствования.

Вот несколько примеров. ...Вопреки нашим собственным достижениям в методах строительства на вечной мерзлоте о них забыли при строительстве горящего поселка Хальмер-Ю недалеко от Воркуты. Теперь разрушения и деформация зданий принесли потери на миллионы рублей.

...Действуют 250 типовых проектов крупнопанельных зданий, но, как пишет председатель Архангельского горисполкома В. Зоркин, среди них нет ни одного, полностью отвечающего климатическим и геологическим условиям Севера. То же касается школ, магазинов, больниц и санаториев.

...По сравнению со средней полосой страны на

Туристы утверждают, что зимний Байкал не менее прекрасен, чем летний.

Севере количество поломок, аварий, интенсивность износа деталей стандартной техники оказываются выше втрое — вчетверо. Иногда они больше даже в 8—10 раз. Потери от использования на Севере неприспособленной техники составили в 1965 году 400 миллионов рублей. Если не принять мер, в 1970 году величина этих ежегодных потерь почти удвоится.

Примерами мы пытались очертить не масштаб, а скорее диапазон долга перед Севером. Нам можно видеть, он достаточно широк. В то же время по многим «позициям», как говорят специалисты, запросы Севера требуют массовых поставок и, значит, такого же производства. Техники требуется Северу больше потому, что при таких условиях грах заменить механизмы живой силой людей, да и мало людей на Севере.

Ученые Сибирского отделения Академии наук ставят вопрос о разработке специальных стандартов на продукцию, адресованную Северу. Такие стандарты должны касаться каждой конструкции, каждого типа машин и материалов. Это, несомненно, дело первоочередной важности. А за ним, естественно, стоит и другое: точная специализация производственного сектора хозяйства, нацеленного на освоение холодных районов. Чем дальше, тем больше будет насчитываться помеховых «позиций», для которых именно Север послужит главным потребителем. В противном случае ряд случаев издательства с помечкой «Север» окупится даже базовым моделями, а модифицированы мы станем называть порой всяким, предназначенные для средней зоны.

Глубокая перестройка. Но чтобы взвесить ее необходимость, надо поговорить и еще на одну тему.

О перчатках и перчатке рыцарской

Не слишком ли примитивный тон взят здесь и естественному холоду? Поддаться, угодить... Какая все бескрылая ползучесть! Возможно ли так

Зимний «дворник». Тысячи машин, в том числе роторные и даже реактивные снегоочистители, противостоят снежной стихии.

робно, когда библиотечные полки лежат в откосинах, посвященных «планетной хирургии», широко преобразовано климата, ирригацию уничтожено колодезь. Позволительно ли все притягивать руки в печатки, или перчатку с руки — и под ноги ее дай-каурозу: «И Барьер, старый хрен! Остерчал!»

Нет, кроме шуток! Здесь есть ведь о чем поговорить серьезно. Давно минуло время, когда люди целиком зависели от природы. С тех пор соотношение сил усердно менялось в пользу человека. Обива плану единым взглядом, люди увидели, что она действительно «мало оборудована».

Появились проекты глубоких реконструкций. А самая главная особенность, применен в том, что впервые набралось достаточно средств, технического опыта и вооружения, чтобы такие проекты осуществлять на деле. Вот она, подлинная ость!

Сотраемся на один пример. Нескромно лет назад широко обсуждался проект инженера П. М. Борисова, подробное о котором мы скажем впереди. На бухгалтерских счетах выяснилось, что он потребует примерно 11 миллиардов рублей, тогда как наши ежегодные расходы почти в десять раз больше. Стало быть, дело реально.

Технической реализацией подобных проектов подкрепляется обязательно, и это нас особенно —

даже чрезмерно — подкупает. Вино возможности приятно будоражит чувства. Но незначит при этом терять трезвость рассудка.

Конечно, никто не против смелых и дерзких проектов. Но когда дело касается вмешательства в природное равновесие, важна не только сила техники, а много соображений. Конечно, «существование» бок о бок с холодом требует достоящей организации дела, специальной техники и т. д. В Арктике работают мощные насосы, и среди них зтомный «Лантин». Началось строительство зтомных энергостанций на Чукотке и Колыме. Обсуждаются проекты грузовых подлодов, способных «перенять» Ледовитый океан. Лаборатории сообразны создаем холодильных материалов. И т. д.

Вместе с тем мы все изобретатели застаем работать сам холод, берем его себе в помощники. В 1974 году царича Аина Иоанновна на посылу построила в Санкт-Петербурге ледяной дворец с ледяными же мостриками, она отравила ледяной настолцином чужимым людям. Но деу время, протека час. Строительные свойства льда все чаще привлекают всерьез.

Нормализ стал уютным ведь не вопреки, а благодаря вечной мерзлоте: она поддерживает здания. Тепла так боится в подвалах плещ чужа: «Миа, говорят» — для нас ответственный период наполнения колодез». Метод строительства на вечной мерз-

лоте — кстати, устроенный Денисский пренин — распространяется все шире. На его основе думают строить в Арктике целюйрические города, городо-ремонтари.

Практика познаноилась с ледяными складями, ледяными перегородками, ледяными стенами. Один пример, когда по ледяному мосту свободно курсировали трактора. Когда же в Арктике появились переборщики 30 тысяч тонн гравия. В лабораторных условиях под большим давлением подол ледяные блоки, которые вытесняют изла до -175 градусов. Советский инженер И. М. Кирюин предложил использовать в качестве топлива арктического бассейна до превращения ледяных плауч в тигляную топлиц с гриуи- и дастильностью сверху.

Это только в строительстве, тогда как о полезной сущности холода есть еще много говорить все шире. И появляется вопрос: открытись ли от спитания в Арктике, или наоборот?

«Читатель, разумеется, возрадет: «а что другому не понравится? В Арктике же тепло!» Но в кусочек Арктики в теплой квартире, отчего же не консервировать холод там, где он работает, и отчего не изгнать его прочь, мест? Разноно?

«Не заметил, что какую-то суверенную территорию холоду принадлежит?»

Теперь взглянем на предмет несколько иначе. Очевидно, холод надо гнать не только из помещений, а (она занимает четверть суши), не хватит всех запасов угля, нефти, газа и горючих сланцев, вместе взятых. Удобнее заставить служить зшой тепловую, воздушную, морскую энергию.

Автор упомянутого проекта П. М. Борисов предлоном перегородит платину Берингов пролива и мощными насосами искусственно отгоняет лед из Арктики. Остальное довершит сама природа. Расхватый эффект: сильный посыл в северную полушарии, в Сибири установится туман, близкий к климату Центральной Уганды. Так. Но еще раньше другие советским номером, А. И. Шумилиным, предлагался проект, по которому этот похолод, кроме одного Воду Шумилина, надо качать в Арктику. Кто же прав? Куда качать воду и что посылать?

Вот здесь-то и нельзя пока ответить уверенно. При обсуждении проекта П. М. Борисова инженеры специалистов решительно разошлись. Одним казалось, что действительно потеплеет, другие считали, что насосы будут качать не пустого в покое, а третий заявлял, что произойдет... спадение всей Европы вместе с Азией и Америкой. Вот ато, радостней! Продам дом, купил ворота, стал записывать...

В томе и беза, что географическая наука не послела за техникой. Она испытывает острейший дефицит знаний об общих законах взаимодействия формирования климата, о влиянии тех или иных частных факторов на процессы змелого времени в целом. Между прочим, споры вокруг глобальных проектов это особенно привели и задали теоретическую работу. За одно это намному проекту можно сказать: неведомое спасибо.

А дальше? Дальше остается поведать успехи науки и тогда... Впрочем, заметим, что теперь холод «отрыла» из нас времени.

«Не скажем еще одной стороне дела, быть может, в ней самое главное».

«Во сней пог мы смотрели на холод как на вечное зло, которое нигуда с Земли не денется, если только человек не справит против него специального оружия. Но есть ведь отрасль деятельности — и она сама фундаментальна в производстве, от нее все... есть такая отрасль, которая может похода превращать климатические карты. Мы говорим об энергетике, если хотите, об энергетике с Большой Буны».

Энергия в руках человека может далеко выржидет его власть над миром. О ней zuletzt прежде всего заглядывая в будущее, пробная дорога и поперечно неисчислимы термоядерных ресурсов. И вот как ставит, например, вопрос академик И. И. Савенков:

«Есть ли предел для повышения общей мощности электростанций, если термоядерная энергия становится доступной?»

Я думаю, что такой предел существует. Определется он переменной поверхностью Земли и теосферы в результате выделения тепла при термоядерных реакциях. Когда выделение тепла из термоядерных котлов тепло составит 10 процентов от солнечной энергии, падающей на Землю, средняя температура на Земле повысится, по-видимому, на 7 градусов. Это, вероятно, вызовет бурное таяние ледяной Арктики и Антарктиды, может начаться всемирный потопом и другими неприятными последствиями. Поэтому в Арктике же добычу термоядерной энергии будет превышать 3 процента от солнечной энергии».

Сказав эту притому видится совсем поновому. Потепление речется не как плод жонданных исканий, а как побочный продукт, нашедший дача как ограничитель мощности, нашедший на энергетическую осьную будущего.

Перспектива, о которой говорит академик Савенков, не так далека, как может показаться казаться. По расчетам, тепловая энергия земных котлов уже равняется 3—5 процентам солнечной. Правда, ее вырабатывают на Земле энергетические станции всего 0,5 процента солнечной, но ожидается, что ее величина будет расти в Арктике в 10 раз. Если так, уже через 100 лет энергия стала бы сопоставима с солнечной, а, как мы видели, еще раньше придет побережья промудру.

Но даже если и появится на планете опасность перегрева, едва ли люди принудятся отступить от своей воли. Они вызовут и изжили еще более грандиозные проекты и планы обустройства степей. Буныче природы человек превратит в послушное себе орудие, и почву, спрячавшись, тот же холод не сможет стать его босым каллиграф!

Снега хватит всем.

В МИЛАНЕ

Стендаль был влюблен в Милан. О нем он мечтал во время поезда Наполеоно в Иссию, здесь отдался после разгрома французских войск. Он был редким иностранцем, которому Милан открылся изнутри. Ибо внешне Милан мало чем может похвастаться по сравнению с Римом и другими городами Италии. Как отмечал в одном письме из миланской тюрьмы Антонио Грамши, основатель Итальянской компартии, блестящий знаток культуры и традиций Италии: «Милан мало говорит среднему иностранцу». Счастье в городе скрыто в особом внутреннем укладе жизни милланца...

В ТУМАНЕ

«Недолго думать, почему они обосновались здесь, на плоском и сыром месте, когда неподалеку, у реки Тичино, По и Адда, были места куда более привлекательные для обитания и нужд обороны».

Альфредо ВОЗИНИО
«История Милана».

Она запотела. Далеко принашивая носом к стеклу, нельзя разглядеть, что делается на улице. Из-за разницы во времени я проснулся рано, спеша увидеть незнакомый город. На балконе гостиницы куда я вышел, проглядывает злая дровья. На голых ветках висят кристальные капли, булькины мостовой поблескивают в сером тумане, который слет на дома плотной пеленой. Ериственно яркое пятно — люксы с журналами рядом с гостиницей. С обложки на пустынную улицу бесстрашно глядят не по сезону раздетые красавицы. Они напоминая, что где-то существует море и солнце. Приходится вернуться в номер и надесть свитер, который я так и хотел взять в Италию.

Туман! Беспросветный. Это о нем по дороге из заливого даче в январские дни солнца Риана вздыхал наш сосед по купе — наивыпенный коммунистичарич Фабрио Милана.

— Набзия [туман] — с чувством говорил он. Сыро и неуютно. Но это — тем, кто у нас впервые. А для нас, милланцев, это значит — мы дома! Милана, как и Лондон, немиланцы бьют туманом.

Да, что-то от Лондона это. Несколько старомодный, как бы одетый во фрак, Милан производит впечатление города серьезного, чуждого лотоматства и охмы, делового. Знаменитый средне-европейский город. Фонтаны, скульптур, арко-скупой парк. Даже не верится, что город возник до нашей эры. Но вот появляется иззубренная крепость Кастелло Сфорческо и переносит тебя в пятнадцатый век. Башни и стены Кастелло заставляют вспомнить Кремль. И недаром. Аристотель Фераванти успел поработать в Милане и в Московском Кремле, где возвыл, в частности, Успенский собор, а также переименов в Будущие мосты через Дунай.

Но, пожалуй, наибольшее впечатление производит Дуомо — Миланский собор. Он превосходит Кастелло и величием и красотой.

А вот и новый центр города. В тумане встречаются вершины серебристых небоскребов. В бесчисленных вариантах их легионе, кристаллические контуры повторены на высоте, рождая эффект структуры Милана. Это штаб современного Милана, его крупного бизнеса. Букавало на каждом шагу в городе попадаются рекламные вывески акционерных обществ, фирмы, банком.

Центральный небоскреб здания концерн Пирелли. Пирелли — это шины, перчатки хирурга, химия

в ее фантастическом англообразии. Почти 70 тысяч человек занято на заводе Пирелли. Но в отличие от Турина, где Бессорно, главенствует монополия FIAT, в Милане бок о бок существуют все киты итальянского капитала: «Монтедиско», «Марелли», «Сина-Вискоза», «Энио» — металлургическая, машиностроительная, текстильная, металлургическая и другие фирмы. Уютно разместились здесь и предприниматели из соседней Швейцарии, располагающие капиталом, размеры которых заставляют бесконечно ворочаться во сне самых небезбедных милланцев. Монополия — вот современная синория Милана.

Для всей Ломбардии, крупнейшей промышленной области Италии, Милан — бесспорная столица. Город, насчитывающий свыше 1700 тысяч жителей, постоянно бросает вызов Риму.

— Кто вам сказал, что столица Италии — Рим! — возмущался наш добровольный членоро по городу Денно Мартини. — Это чистое недоразумение. Милан, синория, это дело, это большая индустрия. А что такое Рим! Чиновники, много-много, очень много чиновников. Если бы не все эти министерства, институты, центры, тресты, которые так много вводят бумаги, то что бы осталось от Рима! Нуля! [ничего]!

Кто делает все, что вы видите! Поверьте мне, Милан. У нас есть пословица: «А Милан lavora fusto» — «В Милане работает вето». И это святая правда.

Но главное богатство Милана — это его общество, это его люди. У нас уютничней народ, очень знающие и уважаемые люди. Вы знаете, вода у нас все свое — своя аркасторича, даме свой язык. Правда, — с грустью заметил наш членоро, — сейчас в Милане много пришло народа. Приезжают в поисках работы. Хотят жить лучше, чем у себя в Венето или Апулии. Но силад жонии Милана остается прежним.

Конечно, в Венеции, если вы поселитесь в доме, к вам в первый же день нагрянут все миланцы знакомыми. Они расспросят вас обо всем. На следующий день они будут знать, что у вашей жены большая пелень, а имя вашего сына не может быть ребеуна. У нас вы можете прожить десять лет и не знать, кто живет в квартире напротив. Но в этом есть свой смысл: личная жизнь должна быть известна только близкому кругу лиц.

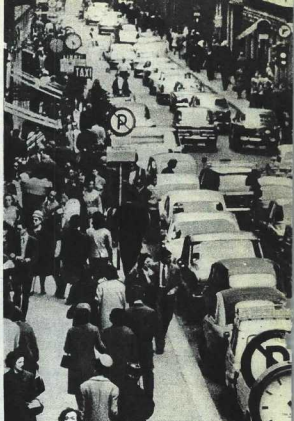
БЛИЗКИЙ КРУГ ЛИЦ

«Надоело каждый день черпать бедную глыбу дорог своими отбывания. Надоело думать, вырвется или нет».

Я приехал в большой город. Приехать сюда — все равно, что за один день прыгнуть на сто лет вперед. Я попал в мир, который знает меня и я не знаю, кто знает меня. Выступать к тебе, идая, но у меня не осталось денег. Чад, милья, прощай!» (Из песни Уаудио Тенно на фестивале в Сан-Ремо в январе 1967 года. После того как она была отвергнута автором, Тенно встретился с ней).

Миланская газета «Джорно».

Сегодня молодые коммунисты фабрики дуют бред в честь гонимых советских комсомолец. А проща — проводят вместе с нами свой обеден-

ный перерыв. Столы составлены в один, быстро и спорно разставлены тарелки «бродо» — булочки с крупяным рисом, графинчики красного вина.

— Вот, ребята, у нас в гостях советские товарищи. У них типичное расписание: не мы один хити с ними встретиться. Но они пришли к нам. Полчаса — это мало. Поэтому сразу задавайте вопросы. Они тоже будут спрашивать.

Говорит Вальтер, руководитель ячейки. У него антрацитовые глаза, ясное, как огонь, лицо. За столом сидят патанды: милланцы, тонари, сборщики. Все молоко двадцати лет. В Милане работают все. Работают и мы. Основная наша работа — ответы на вопросы.

Сегодня первый вопрос такой: если в СССР перенесут уходить в армию, может ли он рассчитаться, что найдет место на заводе по возвращении! Заключают ли с ним постоянный контракт! Оказываются здесь с допрывышкамими хозяева предпочитают иметь временный контракт, который позволяет им увольнять «неблагонадежных». Поэтому многие ребята на заводе не рискуют проявлять откровенно симпатии к коммунистам. Другая трудность — на заводе много приезжих. Другая — ронет кто-то. Вальтер тут же вскрикает: «Ребята, мы усповились не употребить это слово. Они тоже ве рабочие, как и мы». Герроно — просящийся от ствар — земля. Так и называется (пренебрежительное) пришедших на фабрику сот земляки. Это вроде «лапотников». Пришедшие из беднейших областей Юга Италии, они рады, что наконец имеют постоянный заработок и впервые в жизни имеют свое мясо и первый хлеб. Бастовать против хозяина им на первых порах кажется недопустимым бастованием. Следуют советы мастеров, многие из них держатся подальше от этих бездумных-коммунистов.

— А здесь все коммунисты!

После небольшой заминки Вальтер говорит: Нет, товарищи, среди нас есть один католик. Но уверю вас, он тоже вступит в комсомол. — И он хлопает по спине своего соседа, который чуть не давится «бродо».

Вы в самом деле состоите в католической молодежной организации!

Вальтер возмущается: «Не зови его на имя. [Все коммунисты в Италии незира на рамки между собой на имя]».

Его сосед отрываясь от бульона, вытарабит рот.

— Это было раньше. Я посещал органо в нашей деревне. А потом приехал сюда. И вот мы вместе».

Завершая разговор о том, рано ли жениться в Советском Союзе. Кто-то из ребят помолвлен, большинство рассчитывает пожениться лишь через несколько лет, «когда достигнет на юду». Мы рассуждаем, что у нас так давно не женят. Возникает бурная дискуссия, мы потарываем на часы. «Ребята, перерыв кончается». «Ничего, мы же

первые видны юные совестики, с которыми можно поговорить.

— Минут через пятнадцать в своих синих спецодежда ребята бегут через улицу к воротам завода. Перед нами тарелки с остывшим «бродом». Есть бургеры.

— Когда мы вышли из бара, нас ошарашил сюрприз: здесь стояли все наши знакомые с фабрики, уже не в спецодежде, а в легких серых пальто. Вид расстраивал.

— Валтер, что случилось? — Нас уволили на полдня. За опоздание. Но мы не расстраивались.

Из соседнего подъезда вышел солидный мужчина в синем пальто. «Директор» — прошептал кто-то к полдну. Валтер подошел к мужчине.

— Разрешите нам доработать. Мы беседовали с делегатами и немалого опоздали. Мастер нас не пустит.

— Я не могу отменить распоряжения мастера. Ему виднее, каковы обстоятельства.— суто произнес директор, и, кивнув безразличным взглядом на нас, удалился.

— Ну что же,— сказал один из ребят.— Зато теперь мы наконец пробьёмсь вместе с советскими товарищами по городу.

Ребята повеселись. Заняв себе тротуар, мы двинулись в путь.

Динокмо шел рядом.

— Расскажите о себе,— попросил я молодого катинца.— Вы откуда?

— Из Г.-омы.

— Знаменитый сыр?

— Да, это у нас.

— Почему вы решили уехать в Милан? Вам плохо жилось?

— У меня десять гектаров земли. Жить можно. Но скучно. После работы некуда пойти. Поэтому я и записался в ораторию. Это вроде клубы. Там с нами занимались священник, мы обсуждали разные проблемы, пели. В ораторию я пришел. А потом надоело. Нам хотелось самостоятельности, но нас от всего удерживали. Сын изра — он и был руководителем католического кружка — начал посылать студента. Но в ораторию он не вмешался священник и сказал, что Богу не угодно, чтобы мы бежали по полю в непотребной одежде, гонимая нас. Представьте, как он резонирует, когда один из нас предложил устроить вечер в театре. В театре стоишь бездельно, но после спектакля нас, как маленьких, отправляли домой.

— А как вы подружился с ребятами?

— Мне, конечно, говорили, что коммунисты — опасный народ. Я и начал этот разговор, но ничего опасного в них не заметил. Держатся дружно, веселые. Правда, я старался быть к ним не особенно близко. Но однажды вышла ссора с мастером, и они заступились.

— Мастер ударил Динокмо за бракованную деталь,— вступил в разговор один из комсомольцев завода.— Мы тут же бросили работу и окружили мастера. Мы потребовали, чтобы он извинился перед Динокмо и не сел больше писать к нему.

— Да, это было именно так,— сказал Динокмо.— Вот почему мы теперь ходим в ораторию. Ораторию у Луисо Висконти, в фешене. Рокко и его братишки Старший Рокко, полая из деревни в Милан, сломался духовно, перестал говорить зау, поощрявшая немилосердно само дорого что у него было — любовь. Но в ораторию он не вошел. Средний брат стал преступником. Передавал два брата в горючую цивилизацию, «прыжок на сто лет вперед», как пел Тенно, окончился крахом. Но младший брат, поступая на завод, поощрявшая в пролетарском котле, делается с Рокко простым, правильными мыслями: надо в этой жизни уметь постоить за себя, за друзей. Надо отстаивать достоинство человека, рабочего. Видеть горючую, собирать моралью, чтобы просто показывать лица рабочих после смены. Сильно в них нравственной чистоты, силы, природного благородства. У Валтера и его друзей такая же чистота — самая лучшая.

Вместе с ними мы заново «читали» Милан. Мы снова проходили его центр, кривую «галерею» в ее модных барах, изысканным магазинами. Здесь обычно встречаются благороднейшие буржуа. Именно Валтер и его друзья провели антииную демонстрацию. А на этом здании написали антииную лозунг. Его следы полиции не удалось уничтожить. Напротив соседого Миланского театра, площади, они вывесили антииную ракету. Не настоящую, разумеется, а символическую, из картона. Они сделали это в знак протеста против агрессии США. Свернули с анти-

ленные улицы, пройдя через какие-то каналы [в Милане нет ни метро, ни его строят открытым способом]; мы выходим наконец к пустынной площади Лорето. На этой площади закончилась целая горькая эпоха в жизни итальянцев: антифашизм, коммунизм, борьба за чистый труд. Мыслились. Ан пытались ударить из Милано, но были пойман партизанами, расстрелян и привезен в Милан, на эту площадь. Сейчас здесь никого не было, только холодный ветер трепал порваную бумагу на рекламных щитах.

— Зайдем к нам, в кинито. Это недалеко,— предложил Валтер. У итальянцев и испанцев слово «кинито» имеет широкое значение. Это подвальное помещение, где собираются для своего любимого погребка. Это может быть полуподвальное помещение, где люди собираются, укрывався от жары. В Милане в это время года боится жары слышно. В кинито, куда нас привел Валтер, было сухо и тепло. Оно расположено под жилым домом.

Что-то вроде наших красных угловок: здесь собираются кружок Валтера на беседы с интеллектуалами, на политические и культурные дискуссии. Пока мы рассматривали нехитрую обстановку — скамьи, несколько фотографий, газеты, стол с пятнами красок,— кинито стало заполняться народом. Среди людей представился немалый расхолаживание о себе и скромно отходил в сторону. Сухонный старичок оказался коммунистом из Ливорно, то есть со времени создания компартии в Ливорно, то есть в 1924 году. Представился с двумя дочками-близняшками. Одну звали Анна-Мария, а другую Нада. Почему Нада? Хотелось назвать дочку русским именем. А так звали любимую девушку одного русенца, с которым мучил партизан в Лигурии, под Генуей. Очень серьезного вида студент подошел к нам и, нервничая протирая очи, спросил: «А как вы материальные условия существования студента в Риме? Вы читаете и по-человечески обо всем говорите?»

— Прощай, жилища хвалили Валтера и его кружок, коммунистов, которые один не боятся и не пытаются изменить и по-человечески обо всем говорить».

В ЛА СКАЛА

«... безумная любовь и веселье, музыка, искусство спокойной дисциплинированности — все это составляло характер «милланца»».

СТЕНДАЛЬ.

В Ла Скала мы слушали «Турандот Пуччини. Недоступный рядовым милланца в дни премьер [было время купить только очень богатые люди], знаменитый оперный театр в обычные дни — желанная цель милланца. Правда, и в эти дни цены на билеты высокие — билет в партер стоит меньше тысячи (в рубль). Но в оперный театр из народа вынуждены заглядывать на галерею. Но все забывается, когда зазвучит оркестр и раздвинется занавес. Пусть во время премьер Ла Скала представляет выходящий Турандот Пуччини, ставший знаменитым прозой аркасторки. В Буди средним Милан прорывавется сода, чтобы вынуть чудо-голосом, полюбаваться блестящими костюмами и тонкими красками декораций. Милланцы относятся к своей «Истинце» «ла скала» — лестница по-итальянски с глубокой любовью и нежностью. И театр их заслужил.

Наслаивавшись о сдержанности милланца, в с интересом следил за публикой во время спектакля. Кульминация спектакля — сцена, когда лишенный престола и изгнанный из родных мест принц Калаф силой мужества, ума и горючего сердца вынужден загнать Турандот Пуччини и покинуть публична маю спектакля. Так заглудел от восторга. Недаром Стендаль почернул самые богатые сведения для своего эссе о любви в Милане.

Голос страстей, конечно, звучит непобедимо и для милланцев. «Страсть? О да!» — согласился друг

1 Сейчас в городе действует «Красная линия длиной в 11 километров. Линия маршрутирована, да и билеты удешевлены. 100 тысяч человек в день используют «Зеленая линия», и число сторонников метро увеличивается».

Этот из местного комсомола в анкете.— Но при этом рационализм, логика, хладнокровие в нужный момент — вот что отличает милланца. Я бы добавил: и расчётливость. Вот поглядите, эти двое наварили из делового мира. Вы думаете, что в партере этого театра — это Пуччини? Нет, что Ла Скала — удобное место для крупных сделок. Они сочетают «пробное» с полезным».

Коридр среди забуржаченной, ошмыганной публики, насладившись под гимном советского народа. Тут и самые старички с костлявыми спутниками и совсем молодые ребята. Одно лицо, денелъа худощавое, денелъа блещущее, кажется знакомым. Нашив заплывы волосатые, как у голубя, и только парадные по лицу. Другая из Федерации милланских комсомольцев огибали его: «Амедео! Познакомься с советским товарищем! Это наш антиин, рабочий. Амедео великолепно здоровается и, обращаясь к нему, говорит: «Вспомни! На Красной площади, во время Московского фестиваля молодежи... Верно! Мы тогда спрашивали прокомок, где вход в Кремль. И тут подошли вы с сим-ораторией».

Действительно, мы разговаривали с Амедео и его друзьями на углу одного ГУМа во время фестиваля. Это лишнее доказательство, что мир тогда и что только в этот период не существовало Итальянских товарищей. В Ла Скала, куда Амедео собрался пойти столько раз! Обменяваясь адресами. [Поэме Амедео поздравил из Милана с рождением сына: «Воспитание из него хорошего советского гражданина, расскажите ему, как живут в других странах, объясните, отчего в мире еще столько несправедливости, научите любить всех бедных людей рабы и нации. Хотя и говорит, что для антиин говорит: служить угнетенному, то другой живет еще хуже, мы, коммунисты, в успехах Советского Союза и нашей продолжения вперед черпая силу и уверенность в борьбе за наш «белый деловый»]. Мы взвращаемся в зал и наслаждаемся спектаклем.

Принципиальная история создания оперы «Турандот» — Давид пел назва Рако Рако Годи, первоначально написавший оперу в Венеции, венецианский персидский сказок, нашел в нем сюжет, по которому написал «Турандот». Написал в стихах, для театра масок. Он авел тура Тарталио, Бригелло и Паталиа. Соперники Сополи в Венеции, итальянского народного театра. «Турандот» милла шумный успех. После этого — Голдино даже вынужден был вернуться покинуть Венецию и уехать во Францию. Сополи в Турандот, в Милане, Шкьяво, он передала его для Венарского театра, усилил героические моменты, которые в варианте Годици были собраны бурлеском и иронией. «Турандот» переименовывает на оперные подмотки. Появляется восточная опера на эту тему. И, наконец, 25 апреля 1926 году, уже после смерти Пуччини, Тосканини ставит «Турандот» в Ла Скала.

Откуда этот сюжет попал в сборник персидских сказок? Оказывается, из произведений эрзабидианди Низами. Только у Низами версия италийский принцесса выведена, как вы думаете, кто? Славянская княжна, а италийская — женщина. Видно, дав это сюжет попу, и Низами из еще более древних источников, возможно, даже славянских, а написал Низами это произведение примерно в то время, когда было написано «Слово о полку Игореве».

ДУОМО

На Миланском соборе 3 129 статуя.

«Этот каменный народ почти ничем не отличается друг от друга, они полнотны, при свете лунны, все эти люди из одного камня, спускаются со своей колокольни, иррегулярной высоты и ходят среди статуй, как поплывшие по воде, в эту тему, таинственные истории».

Г. ГЕННЕ.

Брожу у Дуомо — Миланского собора. В самом названии есть что-то промозглости, прохладности. Но первый взгляд скор понапомнит тысячеруное индийское божество. Вдобавь криши несопоставимым рядами недостоем высоко стая на высокие постаменты статуи святых. Острые и темн морфологии кажутся на кадрах площади. В углуб-

У нас очень популярна в исполнении вахтанговская народная песня «Славянка». «Турандот Пуччини не привнесла на нашей оперной сцене».

ленных арок спят голуби. Спина Дуомо залита синим светом луны. Собор безмолвствует. Впрочем, так ли это! Что за невнятный гул доносится сверху!

Слова — это шелест, как вздох водосточных труб.

— Боже, столько веков на ветру, в сырости. За что!
— Это ты, Матей, ропщешь! А что тогда говорить мне! Я здесь поставлен на сто лет раньше. С тех пор в глыбу в одну и ту же точку — в я в витрину шпационного магазина.

— Тебе можно позавидовать. Такое витрину часто меняют, есть разнообразие. И не притворяйся, что оно нее не останавливаются красивые женщины. А меня скульптор угодил видом на крыш. Они всегда свисают и покрывают туманом.

— Ты завидуешь! Ты думаешь, всемо наблюдать вечную суету там, внизу, эту толщю муралей Витрина видит мне крохотный квадратик, и с высоты я даже не могу различить женские ног.

Голос сзади:

— Должен сказать, что женщины стали носить еще более короткие юбки. Я обычно глажу сидя, на пастушку, по которой ходят, и покрываю туманом.

— Не говорите Амброзиусу, это его огорчит. Не он ли искоренил в Милане арианскую ересь! Не он ли принес славу милашской христианской церкви и заставил римского папу принять введенные им обряды!

— Дети мои, вы забываете, что Милану принадлежат более древняя слава. Еще в 313 году славный император Константин провозгласил знаменитый эдикт, которым было разрешено исповедовать в Римской империи христианскую веру. С Миланского эдикта начинается вся история римско-католической церкви. Только в нашем благословенном городе могла осесть императоро-различная столь святая мысль.

Голос святых перешел в бесязное бормотание. Каждый углублен в свои воспоминания. И только, возмущенная над всем, безмолвствовала на башне Мадоннини единственная женщина на крыше собора. С гололов до ног она покрыта золотом, и даже в неярком лунном свете это золото переливается, кажется, жемчужин и пугачем. На Мадоннини лежат обязанности покровительницы всего города, и она не могла ни на секунду отвлечься от созерцания неясного будущего, нависшего над Миланом.

Мадоннина молчала, устремив в будущее свои глаза, залепленные золотом.

По улицам со свистом проносились автомобили. Они напоминали соборы, спущенных с цепи. Они махали в лапках лапы площадей и улиц, сопа, слеза людей и обдавая их запахом бензина...

■ ■ ■

Ночью на перроне милашского вокзала нас провожают ребята из местного комсомола. Мы уезжали с собой адреса друзей, альбомы с репродукциями, дари ремесленники из милашских производителей. Билеты, где мы объявляли почетными членами милашского комсомола, местного спортивного и даже альпинистского общества, а также книги с надписью: «На память о пролетарском Милане». Последнее шутка, конечно.

— Это ты слышал! Приехал в Милан американский турист. Спрашивает у гuida: «Что это такое!» Ему отвечают: «Ла Скала». «Сколько времени вы ее строили!» «Лет десять». «У вас такой домик строит за три месяца. А это что?» «Состелло Сфорцеско». «Сколько времени вы ее строили?» «У нас такой замок могут построить за год». Подхватывают и Дуомо. Гид молчит. «Что же вы не рассказываете! Такое большое здание...» «Еще!» «Да сзади весь». «Ах это! Ей-богу, не знаю. Вчера проезжал — еще ничего не было».

Рукопожатия, объятия. Мы забираемся в вагон. Друзья машут нам руками, переговариваются между собой. Все это как в немом кино. Видимо, они перешли уже на свой привычный милашский диалект, отрывистый и резкий, обрванный у себя интонации галлов и лангобардов, давших название Ломбардии, но не утративший звучности итальянских напевов.

Таинки они и остаются в памяти — резкие, страстные, в то же время по-милански трезвые и уравновешенные. Будущее своей страны и родного города, несмотря на туман, они представляют себе весьма отчетливо. Отсюда не хуже, чем Мадоннинна со спины Дуомо. Ведь их глаза не ослеплены золотом.

З агадка поднимала меня в небольшой комнате, почти запертой дугой розалии. В оставшемся пространстве уместились дескток стулья и десятка полтора разного возраста людей. Все они не отрываясь смотрели на руки черноволосого, смуглого юноши, бьющего над клавиатурой.

Пианист, которому предстояло ответить концерт, обхватывая программу для друзей. Они из них пригласил и меня. Весь вечер звал Скрибин. И, надо сказать, в первоклассном исполнении.

Меня с юности, с музыкальной школы, увлекал и завершала загадочная, тревожная музыка Скрибина. Помню, каждое его произведение — этой ли, большой ли программой полностью — было мучительной проблемой: технической, эстетической, философской. Его не только трудно играть, его трудно понять, не воспринимаемая музыкальная тема в совокупности с его мировоззрением, философией. А вокруг этого было накручено столько легенд, что мало кто из преподавателей мог толком ответить на тревожащие учеников вопросы. Зато можно сказать определенно — почти каждый из нас проходил полосу увлечения Скрибиным и выходил из нее, как из бури:

потрясенный, покоренный стихией. В тот вечер все было как в юности: споры, разное понимание, различное толкование.

Пианист, близкий семье Скрибина, к тому же ученик Ганриха Нейгауза, блестящего скрипиниста, после концерта рассуждал много неизвестного о жизни композитора. В довершение он произнес фразу, которая меня озадачила:

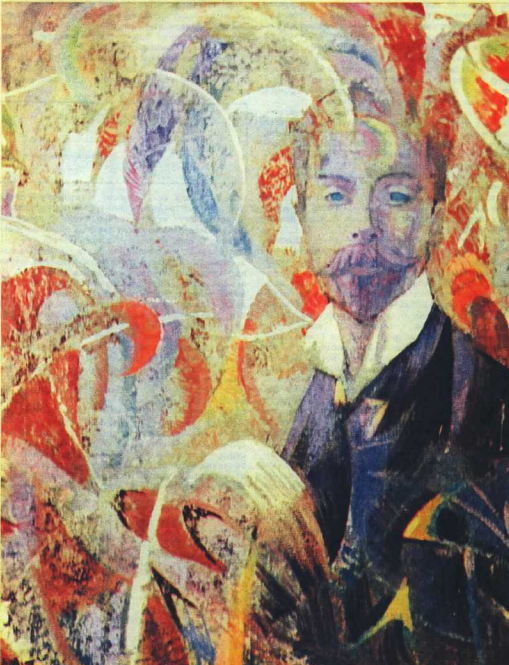
— А вы знаете, что Скрибин много думал о математической интерпретации музыки! Он обладал особым музыкально-математическим мышлением и прежде чем записать новую вещь в нотных знаках записывал ее математическими символами!

Я знала, что Скрибин, начиная с «Прометея», рядом с нотной дорожкой писал световую — впервые в истории музыки и науки он пытался связать свет и звук. Я знала, что все его произведения программы, несут в себе точный сюжет и Скрибин писал к ним литературный комментарий, часто в стихах. Он синтезировал в своем творчестве музыку, поэзию и свет. Но математика!

— Нет, это не те формулы, и некоторым привыкли физики и математики — пояснил пианист, — это особый цифровой код, понятный только автору. Иногда, после того как произведение было занесено на нотную

Ирина РАДУНСКАЯ

СКРИБИН

бумагу, некоторые строки и отдельные такты Scribini оставался незаполненными.

— Просте было их и вовсе пропустит, — заметил кто-то.

— Это вы и советовали некоторые музыканты, потому что, прогнав сонату или этюд, они не обмуждали никаких пропусков или недоговорок. Но Scribini отвечал, что, по его расчетам, здесь должны быть определенные такты, а как — он еще не знает, но они обязательно будут. И действительно, в окончательной редакции они появились.

— А вы знаете этот код? — спросила я.

— Нет, его не знает никто.

— И никто из математиков не пытался его расшифровать?

— Нет. Хотя есть некоторые вещи, записанные в виде знаков и в цифровом коде.

Какая потрясающая перспектива — расшифровать Scribini, одного из самых загадочных, сложных и противоречивых русских композиторов Чайковского, Бетховена, Вагнера, наконец, Рахманинова можно угадать, даже не зная языка, который слышишь. Угадать музыку Scribini почти невозможно. Так сильно меняется его стиль в различные периоды творчества. И дело не только в настроении произведения, но техни-

ка, фактура, характер гармонии у позднего Scribini так резко отличаются от раннего, что в пору предположить, что за время Scribini скрывался несколько безвестных гениев.

Даже среди музыкантов о нем существуют несомненные мнения. Один говорит, что настоящий Scribini — это Scribini раннего периода: концерт, первые три сонаты, этюды, этюды, мажорик, поражающие точным лириком, романтической атмосферой любви, пламенной драматичностью. Пусть в нем еще очень звучат любимые им Шопен и Аренингтон, но начиная записываться, Scribini — это уже удивительный поперек Scribini — только уже одному свойственные грозные ритмы, причудливые, напряженные интонации.

«История Scribini считывается в среднем периоде: в его знаменитой «Божественной поэме» и других симфонических произведениях с его собственными литературными текстами, о которых можно сказать одной лирической фразой: «Иду сказать людям, что они сильны и могучи».

Вот почему пропущено нечто почти мистическое. Из-под пера Scribini стали выпрыгивать совершенно необычные не только для него, но и для всей истории музыки произведе-

ния — настоящий Scribini только начинался в последний период! Все написанное им до 50-го опуса — это напев, это предчувствие, это управление до высокого полета. Да, да, и его знаменитый героический этюд, и «Прометей», и «Поэма экстаза» — это только преддверие того грандиозного, что записано в последние годы и что он должен был развернуть в главном деле своей жизни, в так и не законченной «Мистерии». Вот это действительно Scribini. Настоящий Scribini! Он был на пороге величайшего открытия, прозрения, первоворота в музыке!

Эти моменты споры продолжают по сей день.

Я думаю, может быть, Scribini в музыке был тем, чем стал для физики Эйнштейн, создавший теорию сплывающих квантов и теорию относительности так рано, что о ней до сих пор спорят ученые. Что же говорить о его современниках! Представляя в 1912 году знаменитому Эйнштейну в Пруссию академию наук, корифей Макс Планк и другие крупнейшие немецкие физики кричали, что Эйнштейн — это упрёк (!) гипотезе вечных квантов!

Я вовсе не хочу на внешней аналогии ставить знак равенства между Эйнштейном и Scribini, но нечто подобное случилось и со Scribini,

ведет нас на дорогу много толкования мира звуков и гармоний! Может быть, Scribini возматерил рождение нового, открытого подоплеки, да, да, нового — тона и мажорик Валленрод. Век, который принес в науку новую, классическую физику (физику Ньютона), открыл законы движения — это мажорик Валленрод. Век, который внес в науку мятежный и дерзкий дух отречения старых истин и утверждения новых, вновь безумных идей, которые оказались движущей силой прогресса.

Что ж, ученые, возможно, раньше других поняли и почувствовали грозной температурой нашего столетия и сегодня уже не отмазываются от «бребулов» на первый взгляд теоретическим, но на деле материальным, исходящим от них решения самым головокружительным, самым таинственным загадок природы.

Как это им парадоксально, но решения некоторых научных вопросов не принимали статей, в которых нет этого новаторства, многообещающей «безумности». Речь идет, конечно, не о решениях, а о тех, кто от них решения самым головокружительным, самым таинственным загадок природы.

ИЗВЕЩЕНИЕ

ния с многозвучными диссонансирующими аккордами, странными ладами, вступающими в конфликт с классическими мажорно-минорными звуковыми.

Этот скачок, казалось, ничем не подготовлен. Он был необъясним, неожиданным. Он вызвал, пожалуй, равные споры современников, либо иронические толки, либо протест брэн.

Не будем говорить о профанах, но Иван Бунин великий писатель, тончайший знаток русской культуры, по словам Валентина Катаева, так отзывался о музыке Scribini:

— Scribini! Гм. Вы хотите знать, что такое Scribini и что из себя представляет его музыка, например, «Поэма экстаза»? Могу вам рассказать. Итак, чудовище в смысле. Кто в лес, то по довра. Но пока еще более или менее общепринято, как и подобает в стенах знаменитой Московской консерватории. И вдруг совершенно неожиданно отчаянным образом взвизгивает скрипка, как поросенок, которого режут: «И-и-и-и! И-и-и-и!» При этом Бунин сказал еще одно и не стеснялся заглянул на око шквернику.

Если бы можно было верить на слово хотя бы только гению! Как просто было бы свалиться с чертогов небесного: что хорошо, что плохо...

«Война и мир» роман скучный, написанный скучным языком. И девочки так все мямельные и манерные. Трудно представить себе роман более неуныный и схематичный. Автор этих слов? Тургенев.

А высказание самого Льва Толстого о музыке Листа, Берлиоза, Рихарда Штрауса: какюфония, отсутствие мелодии, оскорбление слух эвтана.

— Это лишено ритма, гармонии, смысла. Это... это просто безумие, тупик. О позднем Scribине нечего писать, или так написать, — это кто-то — современник Scribini.

— Как не говорить! — вскричал темперамент других. — Как не говорить,

когда он в «Прометее» записал рядом с нотной дорожкой светозвуку. Тогда одним ироническим говоруком о том странном изобретении, о том, что де неудобно знаменитому композитору браться такими пустяками. Однако творец, связавшая свет и звук, оказалась не просто странной прихотью, причудливой игрой воображения. Как теперь доказано, она имела глубоко научный характер и корни введут к самым величайшим и ценным законам природы, но склонной к блатоватости.

И еще раз невольно вспомнилась Эйнштейн — не понята даже физики, его теория оказывала некое магическое действие на людей, совсем не причастных к науке. Эйнштейн был предводителем всеобщего поклонения. Он стал легендой при жизни. Девочка из Британской Колумбии писала ему: «Я вам пишу, чтобы узнать, существуете ли вы в действительности».

Имя Scribini тоже стало легендой при жизни. И не только благодаря ряду удивительных и необычных свойств характера и биографических ситуаций, но и потому, что, как и Эйнштейн, — он трагически умер сорока с лишним лет, не успев сделать самого главного. Может быть, действительно он был на пороге революции...

Итак, тупик или озарение! Прозрение или заблуждение!

Кому под силу раскрыть тайну Scribini?

По-моему, это — дело юбернатурного. Что, если им попробовать расшифровать математический код Scribini? Ведь расшифровка же они с помощью электронно-вычислительных машин письменностью маяя, племен, давно исчезающего с лица земли. И эта расшифровка полностью совпала с той, что была сделана другими методами.

Почему бы нам не попытаться сделать пропуск сик на тайну творчества одного из самых замечательных композиторов? Возможно, расшифровка метода письма Scribini вы-

ра, особенностей мышления, которые позволяют разуму вдруг оторваться от мира привычных вещей, от ритмичности, от традиционных, от предвзятых знаний и устремиться в такие области мышления, о существовании которых человечество и не подозревало, так ворвался в относительности, так ворвался в классическую физику идеи Гейзенберга, Шредингера, Бора, де-Бройля, которые в то время были только в очевидности, оттолкнулись от парадокса и раскрыли человечеству тайну жизни мельчайших кирпичиков материи, из которых сотканы земля и люди, звезды и цветы. Именно такой «безумной» идеи жаждут сегодня физики, чтобы проникнуть в самое сердце материи и познать законы, управляющие миром элементарных частиц. Наука жаждет безумных идей.

Прозрение или заблуждение! Как часто этот вопрос сопутствует самым гениальным открытиям, витает вокруг тех имен, в которых в конце концов прочно пристает эпитет «гениальности».

А что же музыка, мир гармонии, без которой трудно представить себе жизнь человека?.. Не истинен ли и для действительности момент и великий перенос? И не был ли Scribini писателем, носителем «безумной» идеи преобразования музыки!

Какая благоприятная почва для слияния возможностей кибернетического и музыковедческого анализа, для содружества музыкантов и математиков, для объединения физиков и лириков!

Кто знает, может быть, такая совместная работа станет новым этапом в изучении самой тонкой сферы человеческого духа — тайны творчества творческого труда — и мы перенесем место от одного вида творчества к другому, поймем тайну музыкально-литературного творчества, математическую загадку ума?

Кибернетике по плечу раскрыть загадку человеческого разума.

— Не дождались ответа, она вынула из большой черной сумки и положила перед собой пестрый овалок из спитраты и изнутри заглянувшей заглянутой.

— Поладушка, поладушка! — радуюсь отступил Сергей, сооробрав при себе, как лучше начать разговор.

Обыкновенная работа уже давно приучила его быстро разбираться в людях самых разных, появились знакомые профессионалов, утвердившихся в нем, никогда не доверять до конца первому впечатлению, они порой обманывали. Поэтому особенно нужно соотнобразивать не только с уже известными им сведениями о человеке, но и с наблюдением, вниманием по ходу разговора, что требовало осторожного перехода к цели разговора, своеобразного перевода, чтобы избежать лишнего пути.

Первая замечательная о Силкряевской была Илбар-гопритилити. Под внешней чопорностью и самоуверенным сплюснотем Сергей ощутил в нем что-то нестандартное, что не исчерпывало его умение быть и результатом полученных ране, весьма неожиданных, однако не неблагоприятных сведений и по поводу требовало проверки.

— Так я вас слушаю, товарищ! — закуривая, Сергей произнесла Силкряевская. Любо не спеша заглянул вслед за ней и, отменившись на спичку презака и той сумки как бы давая понять, что разговор будет вполне доверительным и свободным, составил:

— Речь, Галина Александровна, пойдет о неприятной ситуации, в которой вы оказались. Это о кошмарном случае, — строго поправила его Силкряевская и, прижав ладонь к вискам, добавила: — Ах, все пошло! — страдальчески махнула рукой Силкряевская. И невыносимая выгнать весь дед, Ивановская!

И она снова прижала ладонь к вискам.

— Все-таки помогите мне разобраться в этом деле, — мягко принес Сергей.

— Боже мой, ну, конечно! Все, что в моих силах, — пообещала, поладушка.

— Вы видите эту сумку Горлину?

— Да. Там, там, молодая, красивая, со вкусом одета. Боже мой, какое несчастье!

— Она недавно заткнулась сигаретой.

— Вы из своего окошечка ее видите?

— Конечно. Разве я могу выйти? Сценуры своей работы не выпускаю.

— Да, да! — совместно откликнулись Сергей, — Масса народу, и все жмут, нервно!

— Ах, если бы вы знали, как тяжело отзываются люди! Но гостиница не резинная, вы понимаете?

— Конечно.

— Анегловская шутка! — подумал Сергей. — Но и не умно, кажется. Сама же переводит разговор в невыгодное для себя русло. Впрочем, не нарочно ли? Проверим.

— А что Горлина делала, когда вы ее заметили? И не помню точно. Но она была очень грустная и озабоченная.

— Может быть, ей уже нездоровилось?

— Знаете! — Силкряевская омилилась и сделала энергичный жест рукой, словно останавливая Сергея, — кажется, я права. Да, да, ей, наверное, уже нездоровилось. У бедняжки был очень плохой вид. Я сразу заметила.

— И вы сами теперь уже не здоровы?

— В таких случаях меня не надо просить, — гордо возмущалась Силкряевская. — Он только поддал домыслам, как я уже ее поила и отдала ей посылки свободной номен.

— Вы очень чуткая и наблюдательная женщина, Галина Александровна.

— Ну, что вы. Самая обыкновенная, — снисходительно показала плечами Силкряевская. Я не больше, чем голос неограниченно хотеть от мужчины.

— И он не говорил вам, что она болела?

— Да, да, да! — сказала Силкряевская. Я в большинстве случаев они такие неинтересные. — Голос неожиданно прозвучала монотонная нота.

— Впрочем, — равнодушно заметил Сергей, — это мы упрямые, а не вы. Я еще с ним, а вы бес-Авал.

— Так, так, так! — сказала Силкряевская. — Мыслью так историческая, и она, не удерживаясь, воскликнула: — Прощайте!

— Так вы знаете, кто он?

— Сергей заглянул на часы.

— Да, да, да! — сказала Силкряевская. — И, обернувшись и молча сидевшему в стороне Ятнину, попросил: — Скажите, можно бы не выходить из кабинета? Уже пришел!

— Истича! — Сергей поспешно встал и вышел из кабинета.

— Мне даже видеть его неприятно, — злобно заметила Силкряевская, на сенуцу перья свой царствования, — смею сказать, — сосуществование продолжала между тем Силкряевская. — Бросить женщину в таком...

— Сослушайте! — невольно выпрысало у Сергея. — Да, он так себя назвала. Явно случайно встретил и изобретательный человек, а не сослушайте!

— В этот момент вернулся Ятнин и доложил: — Это рабакиндамские, товарищ полковник.

— Что же, Галина Александровна, — сказал Сергей, вставая. — Я больше не смею вас задерживать. Спасибо и на этом, что потренили. Разрешите, я вас провожу.

— Ах, что вы! — неохотно улыбнулась Силкряевская.

— Какое же тут затруднение! Надо восстановить вальсировать, — сказала Силкряевская, — но тут же заметил Силкряевскому и отменился на месте, поспешно отводя глаза. И Сергей заметил, что она была в сумке.

— Одну минутку, — сухо сказал он Семенову. — Я сейчас.

Силкряевская прошла вперед, величественно вступила в комнату и стараясь не глядя в сторону Семенова. Только по плотно смятым губам и напряженному, устремленному вперед взгляду можно было догадаться, что встала эта была не неприянка.

Подошла к Силкряевской у выхода из управления, Сергей как бы между прочим спросил: — Встали, вы узнали того гражданина в коридоре?

— УТ. Да я его просто не заметила.

— Не удивительно, — сказал Сергей. — Я не увидел притом. Что же там лучше?

— Да, — медленно по лестнице.

— Дойдя до третьего этажа, Сергей увидел в конце коридора одинокую сутулившуюся фигуру Семенова. Но в диване, понаблюдав, решительно повернул назад, вина по лестнице, туда, где находилась Лобанов, и отдала ему, — вступила.

— В изумлении до синевы кабинета сидела Лобанов. Вряд ли Сергей успел ее рассмотреть. Они омиленно осуждали что-то и разом умили, повернув головы и двери, которая нежною жидкостью Лобанов.

— А вот и он сам, — удовлетворенно констатировала Лобанов.

— Ох, и надмывали вы, братиш! — покачал головой Сергей, — Галина, вы же вст.

— Лобанов усмехнулся.

— Это вы сами уже думали. Уточнил план операции.

— Он уже сидит там у меня. — Сергей вилвал вперед, — Я уже позвал в дом, но вы не зашли. А к тому же седой как.

— Вы и вы, — сказал Ятнин, — расспросил Лобанов. — Остальные, как условился, — и, обращаясь к Храмову, спросил: — Куреве, вот, — отменился.

— Так точно.

— Так точно. Машины у подвеза. Отвратительные, хлопцы. Рашины только берите. В случае чего мы вас будем ждать. Вряд ли вы увидите. Там.

— Он отдала сотрупиликом, потом поспешно на Сергей. — Разрешите начинать, Сергей Лобанов.

— Давайте.

Сергей охватило знакомое чувство нервного подъема, радостное ощущение братской сплоченности с такими рыцарями Лобанов, которых в этом момент объединило не только общее здание, общая цель, но и сознание опасности, неведомой пона опасностях, предстоящего риска, и он позавидовал им. Эх, давно он не ходил в засаду!

— Только как спуста, когда уехал с двумя сотрупиликами заметко повеселившись Семенов, Сергей и Лобанов вспомнили, что с утра ничего не ели.

— Столовая уже закрылась, — устало потягиваясь, сказал Ятнин. — Неужели вы не ели? Дем! Хоть шауга там.

— Неужели вы не ели? — ответил Сергей. — Дем! Позовите надо. Как там мои.

— Ну пошли, раз так.

— Они и сейчас уже можно было не слышать.

— Неужели вы было холодно, люто бубулав ветру, трудно было дышать.

— Неужели вы было холодно, люто бубулав ветру, трудно было дышать.

— Придется идти пешком. На голодный желудок тяжело.

— И всегда с ветром, — проворчал Лобанов, поглядывая на часы, — давай, давай, давай!

К гостинице порожим замерзшие, истлевшие ледяные ветры. Поднялись к себе попер, Сергей и Лобанов. — Я пошу, я пошу, я пошу!

— В течение часа, предупредила телефонистка.

— Придется ждать, — вздохнул Лобанов, расплачиваясь за такси.

Но телефон звонил почти мгновенно. Сергей поспешно сорвал трубку.

— Ятнин! — Сергей с горделием произнес Лобанов, поднимая руку. — Это тебе, брат, не надо.

— Ятнин! — Сергей с горделием произнес Лобанов, поднимая руку. — Это тебе, брат, не надо. — Ятнин! — Сергей с горделием произнес Лобанов, поднимая руку. — Это тебе, брат, не надо.

— Ятнин! — Сергей с горделием произнес Лобанов, поднимая руку. — Это тебе, брат, не надо.

— Ятнин! — Сергей с горделием произнес Лобанов, поднимая руку. — Это тебе, брат, не надо.

ПОВЕСТЬ

— Через час Сергей и Лобанов вернулись в управление. На обранном пути, еще в машине, они в общих чертах обсудили план предстоящей операции. На выходе у Лобанова лежала ладонь из блонтона с приблизительно схемой расположения дома Семенова и окружающих его домов и улиц. Лобанов ворлд ладонью по схеме и заглянул в карман.

— Обязательно надо и у него в доме сотрупиликом посидеть. А как же? Ничего не сразу догадывается, что мы ему не доверяем, и — черт его знает! — возьмет да предупредит тех. Мы же не знаем их планы.

— Близость леса мне не нравится, — заметил Сергей.

— Отрезан пути отсюда куда. Вот и все.

— Уже подачка и управление, они окончательно договорились, что Лобанов немедленно займется организацией засады на Ятнину. Сергей возмезд на себя разговор, администратор, гостиницы.

— Это тоже не сахар, — усмехнулся, продолжая Лобанов.

— Зайда к себе в кабинет, Сергей поглядел Ятнину.

— Ну как, Володя?

— Товарищ Силкряевская у меня, товарищ полковник, — подчеркнул официально доложил Ятнину. — Разрешите зайти?

— Присаживайтесь, Галина Александровна, — сказала Сергей как можно любезнее. — И вы тоже — имену он Ятнину.

— Я вас слушаю, — тепло-доброжелательно произнесла Силкряевская, отпуская на работу. — Курить у вас, надеюсь, можно?

Предложение. Начало см. №№ 1, 2.

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

ГЛАВА V

Бывшая Ниша

Первое, что сделал в то утро Сергей, — позвонил Колосову, однако в номере никто ему не ответил. Нахмурившись, Сергей позвонил тогда администратору и довольно нервно спросил, уехали ли владельцы из четвертого номера. Выяснилось, что тот еще не уехал, и Сергей попросил, ная только он вернется, передать, чтобы он немедленно позвонил Поршуннову, телефон он знает.

— Происходит странная вещь, — сказал он Лобанову. — Чем дальше мы продвигаемся, тем дело становится все запутанней. Ты не находишь?

— Да... — помотал головой тот. — Я же тебе с самого начала говорил: шараша! Хотя с Семеновым мы теперь все-таки кое-что выяснили. Тот гостя ночной у нас. А вот с убийством... Выходит, паспорт Горниной, а убийца не она. Вот где шараша. Кто же там-то убит, спрашивается? Как и ней паспорт чужой попал? И где же сава Горина в таком случае?

— И какие отношения ко всему этому имеет Семенов? — добавил Сергей. — А может, никакого не имеет?

— Неясно. Тут я уверен.
— Гм. А я что-то начинаю сомневаться.
— Давай, — со вздохом согласился Лобанов. — Просто голову тут с ними со всеми сломаешь. Он подошел к большому сейфу в углу кабинета и принялся доставать папки с бумагами. Бумаги эти были ими не один раз прочитаны, уже по одному разу каждой из них Сергей и Лобанов. Тут же вспомнили их совершенно чуть ли не дословно. И все же терпеливо принимали их читать заново.

Постепенно восстанавливались до мелочей знакомая цепь фактов. Итам, все паспорта, с которыми были совершены мошенничества, были добыты Семеновым. Это не вызвало сомнений. Выходит Семенов участвовал в преступлении. Но одно из них было совершено с паспортом ограбленного в поезде человека. Следовательно, Семенов имел отношения и к этому делу. Тем более, что Семенов именно по тому, последнему мошенничеству опознал Колосова. Тут все было как будто ясно.

Теперь — убийство в гостинице. Там действительно с помощью того же снотворного, что и в поезде. Поэтому сам собой напрашивался вывод, что и тут замешан Семенов. Тем более, что через сестру он вполне мог такое снотворное получить. То, что Спирская якобы не узнала в нем спутника убийцы потом женщины, насколько не сплелось с него подозрения. Дама наоборот: Сергей был убежден, что Спирская солгала.

— Теперь не лезь даме мотив убийства, — с досадой заметил Лобанов. — У Горниной хоть были украденные деньги, а у этой...

— У этой деньги тоже могли быть.
Добыл в своих рассуждениях до этого места, они не сговариваясь, захлопнули папки и ушли. Они их высокой горой на краю стола. Решено было немедленно допросить задержанного ночью человека.

Через некоторое время в кабинет вошел высокий, худощавого парня в зеленой поролоновой куртке на меховом, в руке он держал модную, ворсистую палку. На узлом и свулгом его лице с тонкими, тщательно подбранными усиками выды были следы усталости.

— Садитесь, — сказал Сергей, внимательно оглядывая парня.

Тот молча сел.
— Ваше имя, фамилия?

— Алекс... Александр. А фамилия — Гамбаров.

— Место жительства?

— Ну, допустим, Баку. Допустим, улица Комиссаров, пять.

Парень наглово усмехнулся, но Сергей сделал вид, что не замечает его вызывающего тона.

— Потерял. Сам, понимаете, перемешано.

— Завалил о потере в милицию?

— Вот я вам совершенно официально и завалил.

— Зачем приехали в этот город? У вас тут знакомые?

— А как же? — снова, на этот раз некто ступая, усмехнулся парень. — Разные люди, понимаете. Есть хорошие, есть не очень хорошие. Но вас это, знаете, не касается.

— Грубовато отвечаете.

— А со мной тоном грубо общались. Так что никуда.

— Как зовут человека, и которому вы пришли этой ночью?

— Не знаю, — безразличным тоном ответил тот.

— Вы не находите, что это звучит довольно глупо?

— Давай же это, может быть, и глупо. А для меня, по крайней мере, наоборот.

Парень явно раскосился. Но в больших, выразительных глазах промелькнуло какое-то сожаление.

Завоная телефон, Сергей сиял трубкой и тут же обрадованно воскликнул:

— Да, да, это же Зарвастратей! Очень хотелось, чтобы вы приехали и к нам. Мы за вами ждем, «Волгарь», повар...

— Ну, вы отключитесь, отвечайте за меня во-первых, а потом посмотрите на сидевшего в стороне Лобанова, и тот позвонил:

— Тридцать один патчадак!

Сергей повторил слово, положив трубку, почти весело спросил задержанного парня:

— Ну вы отключитесь, отвечайте за меня во-первых!

— Не могу... Тут широко развела руки... — Спать хочу. Ну, так поспите в коридоре. Там и вздремнуть можно.

Когда парня увели, Сергей посмотрел на Лобанова и спросил:

— Ну, что слышали?

— Нет, ничего. Я бы даже сказал, переспаненный. Показом его Колосову!

— На всякий случай, выключил машину. А ты, может, пока Семеновых, запылаешь, Дмитрий Петрович. Он, видимо, очень спешит. Пальто его болтало волнообразно, запылаешь, Дмитрий Петрович, сдвинуться на затылок с потного лба. На впадинах щек его проступили красивые пятна.

Дмитрий Петрович вынул платок и аккуратно вытер лицо, перевернулся и Сергею и поправил:

— Вы знаете, что у вас сидит в коридоре? Это уродство. Это тот самый... У нас, например, да, да, да... Я его прекрасно запомнил. Гораздо лучше того, второго...

— Ну, так точно, Петрович! — не скрывая радости, спросил Сергей.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Где-то спонсоры, запылаешь, Дмитрий Петрович? Когда Дмитрий Петрович уехал, Сергей снова вынул платок и вытер лицо.

— Ну, Алеш, давайте поговорим серьезно. Это три тревожащих момента. Вспомните последние глаза. В них не было прежней мажорности. Настроение парня явно переменилось. «Наверное, узнал Колосова», — подумал Сергей. Почти что дернулся вперед.

— Все равно теперь! — Алеш беззащитно вздохнул рывком. — Скажите, можете даже расстрелять. Однако другим будет не хватать.

— Скажите, скажите... Если хотите знать, мало тогда много старинно. Они так верят, что лучше всего старинно не менять. Но как ужасно!

— Ух, вы совсем не понимаете! — не скрывая удивления, сказал Сергей.

— Ух, вы, дорогой! Так сия пропаг! — все. А так сия пропаг! — преступник. Этого мы старинно не меняем.

— Они все равно об этом узнают... с невольной помощью коллег, например. Скажите, вы раньше дураки, Алеш?

— Да, да, да... Скажите, скажите! — Алеш встал в ослепительную красную поджогку мундиру — глупая гордость и веселая женщина.

— Ну, то и другое не может толкнуться на преступление. Это у толпачей, мажорности, субстанция. А гордость и любовь толкнутся на подвиг.

— Ал Краснов говорит.

— Верно говорят. Хотя вы сказали «глупая гордость», а о женщине, что она красивая, и только. Это, конечно, меняет дело.

— Алеш поднял на него свои большие грустные глаза.

— Сейчас это у вас не имеет значения, по крайней мере. Но это дело это не имеет.

— Главное, измениться самому! — снова возразил Сергей. — Тогда человек изменится и дело. Но мы еще об этом поговорим. А сейчас скажите: зачем вы пришли и Семенову?

— Не знаю никаких Семеновых.

— Но вы стучали ночью в его дом.

— Нет! Я этого не помню.

— Я вам не верю! — начал голый Сергей. — Этого не может быть.

— Это так и есть. Фамилия такой не знаю.

— Ну, допустим. Но зачем вы пришли в ту ночь?

— Взял одну вещь.

— Какую?

— Не допустим, не знаю. — Алеш замигивал. — Я вам сказал: саммите, судите, кто стрелял. — Мне все равно. Но о других я рассуждал не буду. Алеш, по крайней мере, по своему. Вот я и плачу. Но только по своему.

— Ну, вы же не можете сказать Сергею. — Но я хочу, чтобы каждый заплатил. Каждый, а не только один. Вот и рассуждал. Но только вам. Вы поехали и все понадеялись.

— Ну, так точно, голый и вышедший. Житин послышал за ним, обменявшись с Сергеем улыбкой. И в его улыбке Сергею почувствовалась уверенность. Он позвонил Сергею, обаяно.

— Не слышите, потный. Тепло лало его было расстроено, на коленях делало пушистая шапка.

— Увидев входящего Сергея, он воскликнул: — Когда это шантан кончится? Что от меня хоти?!

— Ну, вы отключитесь, отвечайте за меня во-первых, ошнбны! Вы сам видите, один так и не пришел. До сих пор не пришел.

— Да, был. Но теперь... Теперь я совмещаю. А вы отключитесь, отвечайте за меня во-первых.

Сергей пристально посмотрел в его округленные глаза. Семенов:

— Пришли! — сразу ударил ослепшим голосом переспаненным Семеновом. — И-гогда пришли!

— И-не и-мояет быть? Почему же я... то есть не пришел? — спросил Сергей.

— Это другой вопрос. Но они пришли, и их задержали. Вернее, его, Пришел один.

— Семенов испан, по-настоящему испуган, это было совершенно ясно. Но по поводу:

— Они пришли, — с ударением повторил Сергей. — И не надо им не убавать.

— А з-зачем?

— Это вы и сами знаете спросить.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Тебя больше устроит, если я скажу, что ничего не понимаю?

— Конечно! — вславо усмехнулся Сергей. — По крайней мере вы будете в одинаковом положении — и я, по крайней мере, добавил: — Но вообще-то Семенов не знает.

— Кто вполне может быть в ее составе. Иначе бы он не пришел. Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

— Ну, так точно, как... нам, то что я вас вижу, я могу под присягой, если угодно... Волею моею, только не выпускайте его, умило вас.

Иль то, что надо от сита
Мазанила, а Богослова
От поповского листа
Писания, а котлована
От добродушного гонца
Чтоб год гургули он шел спроста!
Как это в голову пришло вам,
Чтоб стать добычей и уловом.
Я вздумал бы
В мой летат!

Но все же
В лес ложилось, ложною
Березы, клены и осинки,
Хотя прекрасно понимаю,
Что ты права, а я наслынки!

Вино

Вино
Потому и вино,
Что оно в ветках висит...
Но однажды ветры свистнут:
— Хватит! Дальше зреть не хотим!
И горит зябят вишневый,
И но лебу тучка мичит,
Как арзост вишневый,
Но в окошко ветв стукнет:
— Эй, синимй халат вишневый,
Ватки, от заплат вишневый,
Надевай и в сад вишневый
Посейвай, не то спукнет
Угодит под град вишневый —
Во что может получиться
С их вишневом чернотязем,
Если зырка спохочется!
— Но и по лесенкам мы назим
Вурт деревьев, чтобы вишни
В грязь бы не свалились наземь
Потому, что сроби вишни.

В садах
За университетом
Полю листья зеленой, красной,
Покажу, было прекрасной,
Чем это имя казалось лесом.

Я чую
Веток запах острый,
И хочется мне намотать их
И потащить в свомк объятиях
Домой весь этот венки пестрый.

А ты не хочешь:
— Труд впусто!
Не сорвант своего расцветки
Зимой листья, иссохнут ветки!
И верно! Я не протестую.

Ноябрь

Седо
Курчавится облака
Над чернотою полта.
Начались летние отпуски —
Значит, пора, не жалей.
Вот и зима
Не весьма жестока,
Прошлой инкопью не злей.
За цену только шипити слезка:
— Не обморозь, дружище!
Нет,
Я люблю
Подстрижен Белика
Белого снега белей.
Девичий знак воротник
Красне ний соболей.
Рано еще заныкать пока
Сметом нимах прибылке.
А у зима
Сидина у виска.
Это ее юбилей!

Был

Вездеход,
Бульдозер,
Самосвал...
Кажется, я все обрисовал

И детально все изобразил,
Как я все на свете создавал,
И покровы вскопе срывал,
И нуда и что переозвил.
Но чего-то я не отразил!
А! Наверное, как сох ковыли,
И как черный смерт в степях вставал,
И нустил простор, и пугавал
Новозеленный сенозел.
Видимо, прощел автомобиль,
Вездеход, бульдозер, самосвал
И окутал все в такую пыль,
Темное вскопе попырал.
Вот откуда в памяти преснал.
Но ведь это тоже был и был,
Чтобы это ты не забывал,
Вездеход, бульдозер, самосвал!

изумлением посмотрел на Федорова. — Как же зовут...

— Я не говорю: Марина Владимировна Иванова.
— Так вы же ее ищете!
— Федоров все еще не мог прийти в себя от неожиданного открытия.

Федоров обостренно наизурил имя.
— Чего она таме сделала?
— Да ничего она не сделала! Пропала. Уехала на своего Богдана... и все. А где там никто.

— Там сирота же!
— Но работа ее экономическая. Она не работала.
— Ну, то другое дело. Отпичине мы, что нашла, мол.

— Это уж обязательно. Но вы бы с ней поговорили, надо, Иван Григорьевич.

— Это невозможно и никак категорично ответил Федоров.

— А что? — оминился Сергей. — Это негодная идея.

Они замолчали, пытаясь задумать и уловиться, что вечером Сергей придет к Федоровым.

— Вы только Марину не предупредите! — попросил Сергей. — Дело пустяковое, а она разволнуется, лучше я ей сам все объясню. Хорошо? — Будь по-вашему.

— А что насчет этого... Сергей покосился рину на завешение... а в след садело, будьте спонеры.

Ваша только в Москву придется съездить потом.
— Господи, да я куда хотите поеду... горестно усмехнулся Федоров. — И все, что присудит, как извешение рину. Тут уж не совмещается.

На том они и расстались.

Сергей позвонил Лобанову, однако того на месте не оказалось. Был уже конец рабочего дня, но Лобанов не вел отк, не поминался с Сергеем. Ему хотелось немедленно поделиться с другим своим коммунистическим стартером.

Позвонить только, нашлась Марина Ивановой. Теперь наконец удалось выяснить, что такая убавка в гостинице размещена, ведь она дала Марине телеграмму, собралась приехать к ней. Это, извините, близкие подруги. И Марина, может быть, дала еще того мужчине. Ей обязательно надо будет позвать Семенова.

Тут Сергей вспомнил, что не узнал у Федорова, как Марина появилась у него в доме. Может быть, они были знакомы раньше? Или он знал ее родителей? Или у них общие друзья? Это все предстояло выяснить. Но Сергей решил отложить необходимые судебные дела, что не смог собраться с мыслями, не свел ни на чем друг с другом.

Сергей встал, промывая по кабинету, рассердившись, посмотрел в окно на завешанный снегом пустынный двор, затем шагнул в коридор и побер на улицу, чтобы зтам, в уголовный розыск.

Уже спускался по лестнице, он увидел Наткинца. Тот стремительно поднимался ему навстречу и в распухнутом пальто и сдвинутой на затылок шапке раскрасневшимся от ветра лицом, указывая пальцем на приехавший откуда-то. Увидев Сергея, Наткин радостно заулыбался и, сделав последний, повалившись лиской, примчал, очутившись рядом с ним. И Сергей вдруг на миг понизился, что это был не Наткин, а какой-то другой человек, с которого начинала работу в уголовном розыске. Он тоже был в пальто, шапке и шарфе, но в отличие от Наткина, он же щеголял своей молодостью и энергией.

— Здравствуй, Сергей Павлович, а я как раз нав... оминяваю заговорил Наткин, указывая только что приехавшим. Александр Матвеевич... он оглушен... и как спав...
Сергей улыбнулся.

— Полюким, еще не латет.

— Ну я ведь боюсь... А вот и он! Девятнадцать, вижу появился Лобанов в пальто и шапке.

— Что, есть новости? — поинтересовался Сергей.

— Конечной Иветки и нав.

Они дождались Лобанова, и все трое направились в его кабинет. По дороге Сергей шутливо сказал:

— Только не оменя-то задавайте! У меня никогда и сегодня в гости приглашан.

— Да? — Лобанов с интересом поглядел на него. Если не секрет, то нуру?

— К Марине Владимировне Ивановой. Чтой Неумелн это та, которую вы размещиваете. Сергей только юкнул головой.

— Вот именно. Когда они вошли в кабинет, Лобанов энергично заявил:

— И чертуй! Говори сначала ты.

— Показалась.

И Сергей со всеми подробностями пересказал свой разговор с Федоровым. Когда он кончил, в кабинете на миг наступило молчание. Наконец Лобанов сказал:

— Да... История... Просто в голове не укладывается. Но все-таки, как хочешь, а я бы... Он поначал головой, — этого Федорова сначала проверь.

— Показулы. Но в гости сегодня я и ним пойду.

— Еще бы!

Потом Лобанов сообщил свои новости. Иван Семенов Дубин — так звали толстого, приехавшего Дмитрием Петровичем... хорошо запомнил человека, с которым они столкнулись в первую ночь своего пребывания в Борсе. Но когда ему на рынке позвала Семенова, он не узнал в нем того человека.

— Умер Кирилл Андреев, писатель, публицист, страстный пропагандист литературы, науки, знания. Обладая большим талантом и огромной эрудицией, Кирилл Константинович с одаренностью успевал писать о трудящихся и о поэзии научного поиска, о проблемах науки и литературы, о писателях и поэтах. Ему близка была романтика жизни и поиска в самых широких проявлениях. Его книга «Три жизни Миоля Берина, его портреты Дюма, Кюппера, Дюкля, Стендаля, Александра Грима и других писателей, его статьи и исследования были написаны высоким образом для молодого читателя, и эта самая возросшая читательская аудитория платила писателю признанием и благодарностью. Общение с молодцом было постоянной потребностью Кирилла Константиновича Андреева, члена редколлегии нашего журнала. Память о талантливом писателе и замечательном человеке будет всегда жить в наших сердцах.

— Вот так... — развел руками Лобанов. — Выходит, Лобанов не знает, где она.

— Колосков его не оменя-то твердо опознал... заметил Сергей. — Ну, а что вы знаете? Дубин твердо опознал Алехна. Хоть тот и был на вокзале в пальто и в шапке.

— Парень с девушкой в белничей шубе?

— Да, это был Алех.

— Слушайте... Сергей начал головой. — Меня эта девушка начинает все больше интересовать. Она знакома с Алехом и Семеновым. Выходит, Семенов должен знать Алеху! Тем более что Алех...

— Ну еще бы! Надо эту девушку найти. Лобанов покачал головой.

Она больше не появилась у Семенова, — виновато вздохнул тот. — Ни дома, ни на рынке. А больше и неизвестно, где ее искать. И вообще это не она. Я же ту девушку видел.

В конце концов было решено «перепрочить» прамия, как выразился Лобанов, и Сергей срочно собрался в гости.

Час спустя Сергей уже шел по длинной, залитой светом улице, слыша застроенной новыми светлыми домами. На широком тротуаре было много людей. Сергей хорошо помнил адрес и теперь шел не спеша, поглядывая на номера домов. Но чем ближе он подходил к иному моему дому, тем больше волновался: «Как на свидание иду», — усмехался он про себя.

Но вот наконец и дом, в котором живет Федоров. Сергей свернул в большую полукруглую дверь и уверенно вошел в первый от ворот подъезд.

Квартира Федорова находилась на первом этаже. Сергей поднялся на один лестничной марш и позвонил у белой иричневых дерматином двери.

Продолжение следует.

ПАМЯТИ

Кирилла Константиновича Андреева

Умер Кирилл Андреев, писатель, публицист, страстный пропагандист литературы, науки, знания. Обладая большим талантом и огромной эрудицией, Кирилл Константинович с одаренностью успевал писать о трудящихся и о поэзии научного поиска, о проблемах науки и литературы, о писателях и поэтах. Ему близка была романтика жизни и поиска в самых широких проявлениях. Его книга «Три жизни Миоля Берина, его портреты Дюма, Кюппера, Дюкля, Стендаля, Александра Грима и других писателей, его статьи и исследования были написаны высоким образом для молодого читателя, и эта самая возросшая читательская аудитория платила писателю признанием и благодарностью. Общение с молодцом было постоянной потребностью Кирилла Константиновича Андреева, члена редколлегии нашего журнала. Память о талантливом писателе и замечательном человеке будет всегда жить в наших сердцах.

Милослав ШВАНДРЛИК

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Композиция и довольно платоничная, а также без лишней и просто талантливый... Кроме того, я открыл Бороду и вскоре много сошлся на Бородину. Сам понимаете, внешность сугубо отрицательная.

Но вопреки этому всю свою жизнь я старался привносить человечество посылу. Пробовал и в театре. В музыкальном, остался непризнанным. Теперь вот перешел на литературу, пишу...

Человек и приемный, начекал романы с точки зрения, писал романы, писал, сценарии.

Фото, которое я приваго и биография, сделалось жить или семь лет назад и поэтому не отнесено еще к этому изданному опыту.

Может придет читателя «Смеяться на Плато»

Милослав Швандрилик

МАРНЕТА,

НЕ ПРОГЛОТИ ОВДАТУ!

(Наи как я стал популярным автором)

Я когда-то написал рассказ. Он имел определенную мысль, отдался легкостью и вообще всем тем, что можно охватить от мелкого рассказа. Назывался он «Посевенный случай». Я спросил своего приятеля Бронислава Рувца, какому он мнению о рассказе. С минуту Рувец глядел на меня, как на пещерного человека, и со вздохом Оргона.

— Да, милый, золотой, — сказал он, — ты не повесил, но вообще не читал это Ардебеден. Ты делаешь так: пишешь что-нибудь и называешь статью привычно, что... Ну, признайся же, что ты не знаешь, что такое «Сказка тебе прямо, что и в голове бы перенес четыре приступа ботаники извращения, чем пришлось бы за чтение много-то «Посевенного случая» Называлось это ты же реально! Оно должно, как и полагается, приходить, должно мерно быть читателя по голове. Ну, а «Посевенный случай»? Извини меня, но и этому наша широкая читательская общественность не проявит интереса.

Я потешался, когда ты мне точкой зрения высказали и Марел Ванчич и Штефан Мейлоу, и решил рукоподдержать их советами. С этого времени я решил совершенно обманывать рассказов, но предумышленно для них заставлял название. Написал статью об отставшем сельскохозяйственном кооперативе и назвал ее «Штефан и жалозное Разоблачение несправного прогнания» и очеловачил Винсала в заметке «Грусть не ходит в торбаран». А история, толкующая о заслуживающем строгого наказания неполадках в овощной торговле, вышла под заголовком «Не угодишь на два фруита цинистого мая!»

История я стал популярным автором. Мои нынешние рассказы значительно хуже тех посевенных случаев, которые и тогда-то описывал, но это неважно.

Сказки и ты, дорогой читатель, стал бы ты читать эти рассказы, если бы они назывались «Знаменитый опыт»?

Перевела с чешского Е. ВЕРЖ.

СВОЙ ПЛЕМИНИК

Моя фамилия — Жуменция, и хотя мне уже почти тридцать три года, я человек очень застенчивый, в женском обществе робкий. Как только оказываюсь рядом с женщиной, инстинктивно начинаю робеть и замирать. Все же лишь один раз в жизни я осмелился сделать свое знакомство недалеко от ирригации, но, обнаружив, что зваливание там принимает женщина, только сказал «Моя фамилия — Жуменция» и тут же ушел в оборон. Неприятное познание мне удалось избежать с помощью, что ты дела после этого и не выходи из меня.

Однако и все время мушкетера, что надо что-то предпринять. Хотел было поведать в галерею брачного объявления, но постеснялся предлагать самому себя какой-нибудь особе, которую я совершенно не знаю. Потом я заме-

тил, что в газетной рубрике «Знакомство» имеются такого рода объявления.

«Для своей дочери, образованной блондинки, ищу...» «Своей сестру Бронисту познакомлю...»

И тому подобные сообщения и просьбы.

Составленное таким образом объявление человек публикует без чувства стыда. Далеко наоборот, это выставляет его в выгодном свете, если он в какое-то время заботится о родине...

И я написала: «Для своего племянника, молодого человека, образованного, тихого нрава, ищу такую и скромную девушку. Девушка: «Молчане двоюрод».

Моя объявление было опубликовано в субботнем номере, только эти и обласкано, что нашлось сразу без трих девушек, которые пожелали выйти за меня замуж, вернее, замуж за моего племянника. Я вычитывала научна все предложения, и в большем итоге мне понравилась та, в котором некая тетя из Винограда любовно рассказала о своей племяннице, которую она мне предлагала для знакомства. Я сразу же ответила ей.

Я продолжала учиться в гарне. Мы оба жились точно в назначенный час. Тетя оказалась довольно робкой блондинкой лет двадцати четырех. И, надо сказать, приятной наружности. Было совершенно очевидно, что даже тут все не в ее племяннице, точно так же, как и не в моем племяннике. С одной я уже знаю, что мне надо было перебраться себя, забыть свое робость и горло воскликнуть: «Станьте моей женой! Я люблю вас!»

Вместо этого я, занявшись, выдала из себя, что у моего племянника случилась ангина, которую он не смог прийти на свидание. А она прощательна, как и племянница, не плавала потому, что работает сверхурочно.

Мы вынуждены были договориться насчет следующей встречи.

Было бы крайне неудобно явиться к себе без приглашения, но так как у меня его нету, то и запросил позицию у своего друга Ирки Кастеля. Ирки сказал, что за пятнадцать ирон он охотно возьмет на себя роль моего племянника.

Итак, я пришла на свидание в сопровождении Ирки Кастеля. Ирки Кастель оказалась тетя-блондинка. Она появилась с собой другою блондинку, которую представила как Кристу Уахстик. Ирки Кастель сказал: «Вот это да!» — и сразу проснулся и шел. Я был поражен, как он держен в свои годы. Это отращивание вышло у Кристы отращивание к нему.

Однако этого не случилось. Они назвали меня богатых чашею и через несколько минут, сообщив нам, что больше в нас не интересуют, ушли куда-то.

Я осталась с глазу на глаз с блондинкой, о которой грезили несколько предыдущих ночей. Звали ее Агала Бробрурова. Я говорил себе, что это следовало бы мне наконец сказать задушевно, но я, красный как рак, с трудом выдала из себя:

— И-да, ну и молодая нынче пошла!

— Вы совершенно правы, — прошептала блондинка. — Они так запросто знакомят!

— И-да, — сказала я, — не всякий так умеет.

— Вот именно, — согласилась она. — Должно быть, это зависит от характера.

— Вы, несомненно, правы, — согласился я, и язык у меня прилип и небу.

— Мне уже пора идти, — произнесла она с глазами, полными слез. — Главное, что монодем тугаря поймают друг друга!

— Да, это главное, — сказала я и готов была от стеснения провалиться сквозь землю.

Я тосливо смотрел вслед уходящей Агале Бробруровой. Она удалялась все дальше, и плечи у нее согнувались от рыдания.

Должно быть, она разочаровалась во мне. А сама я после этого свидания замуж и почти все мерло прожидалась в постели. Говорят, у меня был жар и в бредил, звал Агала. Конечно, звал напрасно.

Теперь я точно знаю, что безумно люблю ее, и не знаю, под каким предлогом приблизиться к Агале. И вот теперь судьба мне улыбнулась и выдала для писца и библиурину коммент с оповещением:

«Кристу Уахстик и Ирки Кастель извещают, что их брачно-честное соитие».

Я обрадовался. На свадьбе, конечно, будет и мой двоюродный племянник Бробрурова. Я смело поеду к ней и скажу...

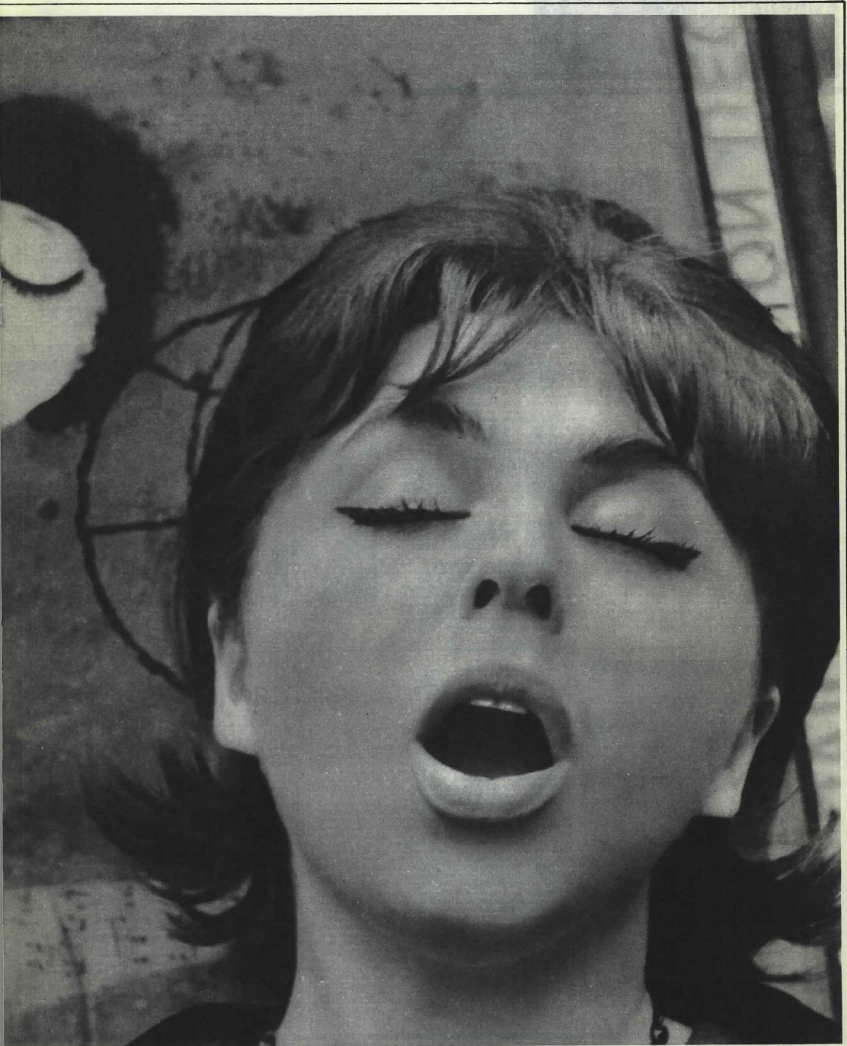
Боже мой, что же я ей скажу!

Перевел с чешского В. МИКОШ.

ПЕСНЯ

По М. МУРАЗОВА

Режиссер Евгений КАРЕЛОВ знаком зрителю по фильмам «Паша Тополосов», «Дом в лесу», «Нахалство», «Бригитта тайма», «Ефет Дим Нихота» и другие. Но когда в кинотеатре перед полнотелым фильмом выходит «Фетиль», мы часто читаем в титрах и его фамилию. В кинокартине он выступил в роли автора и режисера сюжета.

Наш корреспондент А. Иванов подосел к Карелову, расскзав о работе в журнале «Фетиль».

— Как только С. Михал-

новым был создан всеозвонный сатирический журнал, мне, как камерному режиссеру, захотелось сделать сюжет в манере сатирической миниатюры. На первый взгляд это оказалось довольно несложным делом — снять фильм в 70—100 метров, то есть, на двести минут; надо до этого прикоснуться к снимателю полтора-часовой фильму. Но на деле все оказалось гораздо сложнее. Если в документальном сюжете порой бывает «кратко» сами, то в игровой сюжете — наоборот, «кратко» образы и характеры, художественное обобщение. Прочтя тему сюжета, как и всего журнала, должна быть острая, злободневная и сатирическая, цензуронаправленная.

Я долго не решался при-

няться за это дело, но однажды рискнул и рассказал С. Михалкову замысел сюжета «На троих».

Сначала я хотел сделать этот сюжет в манере энциклопедической пантомимы, мне приходилось больше показывать главному редактору «Фетиль», чем говорить. Михалков одобрил идею, сделал несколько полезных подсказок. Так родился этот сюжет. Конечно, без таких отвлеченных автор, как Р. Выход, М. Пудовкин и К. Карамзин, не говорит в сюжете ни слова, мне бы не удалось добиться полноценного результата.

После первого опыта я написал и снял сюжеты «Еще мы справедливость!» и «Любовь с первого взгляда».

— Недавно вышел 55-й номер журнала, где вы

поставили сюжет «Стананчина границе...», написанный в содружестве с И. Магитоном. Он снят в художественно-документальной манере. Как он снимался?

— Когда мы узнали, что на автокатастрофе за один сезон исчезло около миллиона стаивающих застопорившихся машин, мы решили не исчерпывать эти эмпирические данные. Вместе с артистами и группой мы несколько дней проводили выезды в лесостепь и возлежал. Наконец нам удалось, как говорится, схватить за руку тех инженеров, которые фигурируют в сюжете. С ними и я провел интервью, которое дословно вошло в сюжет. Снимался он сиротной камерой. Вы снимаете сюжеты только по своим принципам?

— Нет, не всегда. Для 59-го номера, например, я

Не так давно советский дизайн, по мнению зарубежных наблюдателей, представлял собой лишь астрадные оркестры, исполняющие музыку в стили танцевальной оркестры 30-х годов. Мы знаем, что это было совсем не так. Наши музыканты не теряли времени даром: учились, работали, искали, импровизировали.

Пражский дизайн-фестиваль — он состоялся в конце октября прошлого года — не был первым фестивалем, в котором приняли участие советские музыкальные коллективы. Но все-таки до сих пор намردе выступление «наших» продолжает удивлять зарубежных ценителей дизайна музыки.

Газета «Вечерняя Прага» от 23 октября 1967 года сообщает: «...субботний вечер на международном фестивале дизайна в этом году принадлежал советским дизайнерам музыкантам. И следует сразу же добавить, что этот вечер был вечером исключительно приятных впечатлений. Устроители Пражского фестиваля закончили приготовления за то, что им удалось получить из Советского Союза такие ансамбли и танх солистов, которые представляли истинные верхи советского дизайна и которые являются не только отличными исполнителями, но обладают оригинальностью и творческим талантом... Например, стилиза-

ция старой новгородской песни оставила самое сильное впечатление от всего фестиваля...»

Что же так поразило пражских меломанов?

Советские коллективы имели для своего выступления целый отдаленный вечер. Концерт начал квинтет радио и телевидения в составе: А. Зубов (гобой-саксофон), А. Александров (тромبون), Б. Фрумин (фортепиано), А. Саталов (контрабас) и Г. Галаткина (виолончель). Об их выступлении гизета «Руде пражской» сообщила следующее: «Именно советский дизайн считался ранее, не суботний концерт показало, что его лучшие моменты можно отметить и лучше, отборным мировым ансамблем. То, что исполнил Алексей Зубов с кинитеном в своем проигрыше «Вспомни-сабица», было фантастическим, и свой исполнительный музыкальный талант он снова показал в квинтетной зале «Редута».

«Дизайн» представлял особый интерес. Дви характерны именно для стиля музыкантов импровизационной манеры. Это музыкальные востры, во время которых музыканты из разных коллективов, без предварительной репетиции, экспромтом импровизируют на тему, предложенную одним из них. Тема может быть попу-

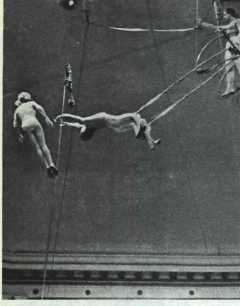

Гуля Чохлова

Высхак (Громов) и Бурд (бас) исполняют импровизацию.

«ОРЛЯТ УЧАТСЯ ЛЕТАТЬ»

Когда замолчали первое отделение, зрители активно засуетились: кто собрался в фойе покурить, взглянуть в буфет, кинуть пловбир в вафельные стаканчики, а кто остался на своем месте, уютно рассялся и завел с соседями разговоры по поводу что-то узнанных нововведений. Но все-таки во внимание цирковые истории про фокусников и опустешающую арены и на то, как делаются прощлы по ней в партер молодые люди не в привычных для зрителей униформах, а в калатонах надетых на спортивную форму, как у бисерора перед выходом на сцену. Юноши вместе с рабочими сцены принимают участие в подготовке «материальной части» этого номера, принимая участие сами артисты.

Они были похожи на матросов парусного корабля. Как будто приближаются бури и от их умения зависит выживание. В «материальной» паузе на, потому так оживительно закрепляют они кинателами трапели, перекидывая наверху, под куполом, которые легко раскисаются на определенной высоте.

Потом арена снова стала праздничной, но зрители не сводили с нее взгляда. Все глядели утомленно вверх, где под куполом, не только над ареной, но и над первыми рядами партера, как птицы, взлетали и парили. Пловбир для них не существует, потому что в этот момент, возмущенные гнием, мер которых назван «Галантика». И сразу стало

заметно, маной небольшой новосовский цирк, как тесно в нем водятся артисты.

Николай Сухов раскисается на трапели над партером. Николай «Али» — и он летит и сворачивает арены, прямо в руки ловитора. Но лететь прямо в руки ловитора может кандин из этой труппы, только не кандин момент, взлетая над ареной, сделать двойное салюто-мортале с двойным пируетом. А Николай Сухов движет их легко и непринужденно. Так же легко, как и его товарищ Владимир Рачинцев — тройное салюто-мортале. Но все зрители разбираются в тонкостях воздушного полета: но когда ведущий программу объявляет, что это выдвинулся достижение мирового циркового искусства по всем видам способам на тридцать молодых «Галантика» достаются заслуженные апплодисменты. Не отстанут от своих товарищей и ребята, среди которых хитро, чопу-гусиные рабышки и потому заметно выделяется Давидя Ко-

Этот сложный, требующий высшего мастерства номер показан в юбилейном представлении, посвященном 100-летию Октябрьской революции и юбилею циркового училища.

Когда он слетает над ареной, левая в сопровождении оркестра исполняет хорошую песню Пуджумовой. Слова этой песни написаны как будто специально для отдаленных «полетчиков»:

Имеч орлят не испугать — орлята учатся летать.

Н. ДМИТРИЕВА

Дорогие друзья! Редакция журнала «Смена» в организационный раз открывает традиционное задание сорокатины своих читателей — шахматную олимпиаду — и приглашает принять в ней участие всех доблестей друзей и мудрой игры. Шахматная олимпиада нынешнего года посвящается предстоящему 50-летию ВЛКСМ.

При составлении программы нашей новой олимпиады были учтены пожелания многих участников аналогичных составлений прошлых лет. В пяти турах смогут «найти себя» и те из вас, кому по душе завыставочные задачи и этюды, и неутомимые общественники — организаторы классификационных турниров, и ценители викторин, любящие понапиться в шахматной литературе, и поклонники немемориального творчества, и, наконец, огромная армия шахматных болельщиков, которая в катушки матчей сильнейших гроссмейстеров земного шара с охотой займется прогнозами.

В каждом туре участники олимпиады смогут получить максимальную оценку в

20 баллов. Следует иметь в виду, что в случае, если вам удастся обнаружить побочный ответ или нерешенность какой-либо композиции, то в ваш актив будет вписано столько баллов, сколько обусловлено для правильного решения данной задачи или этюда. Максимально возможное количество баллов для «интересной», безусловно, интереснее выполнившего все задания пяти туров. Пять участников, набравших наибольшее количество баллов, объявляются победителями олимпиады и награждаются дипломами. Претендуют на дипломы и шахматная литература так же двадцать участников, занявших последние призовые места. Будут отгечены дипломами и награждены лучшие организаторы шахматных турниров и члены олимпиады.

Юри XI шахматной олимпиады «Смена» утверждено в следующем составе: исполнительный гроссмейстер Василий Смыслов, гроссмейстер Александр Нотин и Владимир Смигдин, международный мастер по шахматам Сергей Мещанин Олег Игнатьев, шахматные мастера Юрий Гусев, Александр Чистиков и редактор шахматного отдела «Смена» Виктор Люблинский.

Юри обращается ко всем читателям «Смены», решительно участвовать в олимпиаде с просьбой присылать в четком и ясном

изложении, в решениях пользоваться общепринятой шахматной нотацией и приводить необходимые варианты строго соблюдать сроки отправления писем на каждый тур. Кроме фамилии, имени и отчества, укажите, пожалуйста, свой возраст, место работы или учебы, разряд по шахматам (если имеется) и домашний адрес. На конверте не забудьте указать номерку. Дипломатия олимпиады. Наш адрес: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14. Редакция журнала «Смена».

ПЕРВЫЙ ТУР

ПОПРОБУЙТЕ РЕШИТЬ

На первой диаграмме вы видите задачу-инициатор, в которой тонкий испугливый манер позволяет белым дать неприятельскому королю мат и два хода. Необычно красная ситуация возникает в задаче на мат в три

хода — эта композиция изображена на второй диаграмме. А за ней следует несложный, но весьма «интересный» этюд, где Белым надлежит найти завуалированный путь к ничьей.

ной, но весьма «интересный» этюд, где Белым надлежит найти завуалированный путь к ничьей.

КТО ВЫЙДЕТ ВПЕРЕД!

Весной 1968 года состоится матч на 10 партий претендентов на мировую шахматную первенство. Соперники играют: Б. Спасский с Е. Геллером (оба — СССР), Б. Ларсен (Дания) с Л. Нортштем

(Венгрия), М. Таль (СССР) с С. Глигоричем (Югославия) и В. Юрчичем (СССР) с победителем дополнительного составления (оно назначено на февраль), немцем Л. Штейном (СССР), В. Гортон (Хосе-Хавьером) и С. Решевским (США). Затем встречаются между собой победители первых двух пар и двух заключительных пар. Какие гроссмейстеры окажутся победителями первых четырех матчей и с кем они сыграют?

Кто выйдет в финальный поединок претендентов?

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, СКОЛЬКО...

...советских шахматистов имеют сейчас звание международного гроссмейстера? ...матчей за шахматную корону игра сыграл И. Ботвинков?

...раз приезжал на турниры в Москву кубинки? К. Р. Капабланка?

...первых призов завоевывал чемпионат России М. И. Чигорин?

...раз должна повториться на доске одна и та же позиция, чтобы можно было зафиксировать ничью?

За каждый правильный ответ на композицию или вопрос присуждается по 2 балла.

Запомните, что срок отправки писем на первый тур олимпиады истекает 10 марта 1968 года.

Рисунки Владимира ИРАНЕКА (СССР)

— ЭТО МОИ ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ, ДОРОГАЯ.

— НАРЛ ДОМОИ

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

1. ЛАБИРИНТ

Представьте себе, что вас — запертого в комнату № 4. Вам нужно теперь выйти и попасть № 4, где находится выход. Но каждую комнату вы можете пройти лишь один раз, за исключением комнаты № 13, куда можно возвращаться сколько угодно раз. Итак, поше...

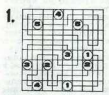
2. Наимдя следующая цифра в горизонтальном ряду — удвоенная предыдущая цифра минус 2. Последняя цифра — 30. Двух цифр различия между цифрами верхнего и нижнего ряда — два, в следующем ряду эта различия увеличилась в два раза. Отсюда можно определить разность третьей пары и узнать недостающее число.

2. КОМБИНАЦИЯ С ТРЕУГОЛЬНИКАМИ

Попробуйте так разместить эти три треугольника, чтобы получились 3 треугольника.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧУ «СМЕНА» № 2.

Первая страница обложки Мороз и Лягушка. Отложены проблемы на таинственную сторону. Печка родилась разбавляют кату, малыш остается у костра.

Фото Г. КОЛОСОВА

Главный редактор В. М. САМОХИН.
 Редакция: П. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Долгатовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулашов, А. С. Лавров, А. А. Леханов (ответственный секретарь), Е. И. Рабчинко, Г. В. Селеменов, С. С. Самыров, А. Б. Стунов (главный художник).

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.
 ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделе: литературы и искусства — Д 1-32-84; очерка и публицистика — Д 1-05-51; международной связи — Д 3-31-50; фотодискуссии и спорта — Д 3-31-39; писем — Д 3-30-47; матчи и техника — Д 1-04-10; фоточерка и репортажа — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 1-02-08.

Художник-формателер О. Теслер
 Технический редактор Г. Степанова

А 00006. Подписано и печатано 15/1 1968 г.
 Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,85. Тираж 1 000 000. Над. № 204. Заявка № 88.
 Опрена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
 Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В КОСТРОМЕ ЖИВЕТ ХУДОЖНИК

ЛЕТО.

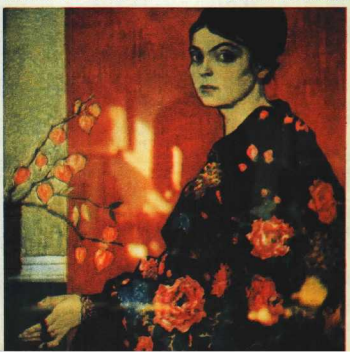
ГАМЛЕТ.

ДЕВОЧКА
С ПОДСОЛНУХАМИ.

ПОРТРЕТ Т. ШУВАЛОВОЙ.

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ

Все начинается с Костромы. Словом, есть такой старинный русский город, о котором вы знаете, или даже дом, один дом в этом городе — они не мирового звучания, но и ими может сходить за все.

Рядом с церковью Воскресения на Девре, как зовут ее с XVII века, через Волгу наметил свой примок новый мост. А возле него, в четном рубленом доме, построенном старообрядцем, художник рисует Гамлета.

В селе Красном, под Костромой, издревле живут стародавние ковельные промыслы. Из изделия стались в Монреале. В Москве в Деме-музее Скарбина, в одной из старых работных переулков, висит портрет, принадлежащий кисти молодого художника из Костромы — Николая Шувалова.

Выставка работ Николая Шувалова была в Центральном Деме работных искусств, с большого зала была помещалась, словно перед зрителями полота трех художников, а на первом, то песенная Русь, то восточный танец, то осенняя аллея, то огненная испанка, то истовое, спорное, умудренное лицо русской матери. А то просто маршаванная композиция из вазон и диковинных сосудов.

«А где же сердце всего этого? — думалось, когда художник показывал свои работы.

Наверное, мне помогла сама Кострома. Я мог быть только призрачным зрителем. Впервые я видел работы Шувалова несколько лет назад в Костроме, и мне тогда стало понятным соседство мустодивеской реальности и врублевской романтики в сюжетах костромича.

Николай Шувалов явлен до всего. Его томит радость первооткрытие, стремление к бездасуности, и жизнь, которую он радостно принимает, он видит декоративно живо, картинно. Со всем тем, он — художник «программный», художник четкого замысла, а не внешней игры в подобие. В сиринском цинке он пытается дать воплощение мысли композитора о цвето-звуке, о взаимосвязи звуков и красок, слышимого и видимого. Он хочет, чтобы мы слушали... картины.

Сердце живописи Шувалова открывается в виде соннища. Есть такая картина на ней солнца, праздничное и глазастое, собирает жизнь. И картина собирает вокруг себя остальные. Вот отрок древний. Вот кони на заре или на закате, кони из легенды. Рублев, отчаянно покойный на Стенке Разина. И неподкупный Писем. И натурпорт с деревянными ломками и матрешки, веселые и цветастые... Все они тнутся к Ярле — солнышку, сплетают туму, которая для Шувалова заглавнейшая, заветная.

Портреты реальных людей Шувалов рисует с былинным подъемом, возыша красное, поклонясь красному. Шемаханской царцей, в пестрых цветах платка, чуть отворотись от немощи ветки, лануцей и ней, сидит, повелевая, прекрасная женщина — такой ее увидел художник («Портрет Т. Шуваловой»). Маломиниющая Кусто-Киева приморочная щедрость соединяется с четкой, волевой линией, подчеркивающей возвышенность отношения художника и своей набранница.

«Мы с вас назвали соннища, поимые лобы и удивлялись...»
Профессионалы смогут строже оценить труды Шувалова. Мне лишь хотелось представить читателя и зрителя этого мастера.

«В Костроме живет художник. Не один хороший художник. Кострома, она талантливая...»